М. Халанскій.

Многоуважаемому
Владимиру Владимировичу
Каллашу
от автора

О ВЛІЯНІИ

ВАСИЛІЯ ЛЬВОВИЧА ПУШКИНА

НА ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

А. С. ПУШКИНА.

ХАРЬКОВЪ.
Типо-Литографія «Печатное Дѣло» кн. К. Н. Гагарина, Клочковская ул., д. № 5-й.
1900.

На основаніи ст. 41, § 1, п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается. Декабря 21 дня 1899 года.

Ректоръ университета *Г. Лагермаркъ.*

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
3366
25

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

О вліяніи Василія Львовича Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина. . . . . 1—35

Въ примѣчаніяхъ и добавленіяхъ:

Къ вопросу о возникновеніи Арзамаса. . . . . 39—63

Къ созданію поэмы Руланъ и Людмила. . . . . 63—67

О взглядахъ А. С. Пушкина на поэта и поэзію по отношенію къ воззрѣніямъ «геніевъ» Арзамаса. . . . . 67—74

Пушкинъ и г-жа Ризничъ. . . . . 75—78

О вліяніи Василія Львовича Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина.

(Къ 100-лѣтію со дня рожденія А. С. Пушкина [1]).

«Онъ (Вас. Львов. Пушкинъ) былъ пріятный, вовсе не дюжинный стихотворецъ» (кн. Вяземскій Соч. I стр. XXIX.)

..... Отъ первыхъ впечатлѣній,
Отъ первыхъ свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу геній
И имъ въ теченьи дней своихъ не измѣнитъ.

(Батюшковъ, Посланіе къ Муравьеву-Апостолу. Соч. изд. 5 общедост. Спб. 1887 г. стр. 80).

Мм. Гг! Совѣтъ Харьковскаго Императорскаго Университета возложилъ на меня весьма лестную для меня обязанность—приготовить рѣчь къ сегодняшнему чествованію величайшаго изъ русскихъ поэтовъ—А. С. Пушкина по случаю истеченія 100-лѣтія со дня его рожденія (1). Въ своихъ размышленіяхъ относительно темы для рѣчи, которая приличествовала бы настоящему торжеству, я рѣшилъ остановиться на выясненіи тѣхъ благотворныхъ вліяній, которыя окружали Пушкина въ раннія годы его жизни, въ тотъ періодъ душевнаго развитія поэта,

Когда (ему) были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія—
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья,
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь,

и которыя (благотворныя вліянія) выразились въ его произведеніяхъ въ опредѣленной и рѣшительной формѣ искренней и задушевной проповѣди гуманности, въ вѣрѣ въ живительныя силы религіи, науки, просвѣщенья, въ торжество разума человѣческаго, наконецъ, въ вѣрномъ пониманіи задачъ поэзіи и средствъ ея вліянія на умы и сердца людей. Полагаю, что въ день столѣтія со времени рожденія поэта, составляющаго національную славу нашей дорогой родины, ея справедливую гордость,

---

[1]) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго Университета 26 мая 1899 года.

отрадную вѣру и надежду (Пыпинъ, Характерист. литер. мнѣній стр. 91) всего умѣстнѣе помянуть добрымъ словомъ людей, бывшихъ его учителями и руководителями въ искусствѣ поэзіи, а равно и въ жизни, такъ какъ для Пушкина жизнь и поэзія—были одно: жизнью была проникнута его поэзія и поэзія въ извѣстныхъ случаяхъ и извѣстнымъ для истинныхъ поэтовъ образомъ регулировала его жизнь.

Біографы Пушкина, какъ извѣстно, не даютъ опредѣленныхъ, положительныхъ отвѣтовъ на занимающій насъ вопросъ, самый капитальный, очевидно, въ изученіи творчества Пушкина, точнѣе говоря, высказываютъ предположенія прямо противоположныя одно другому.

Г. Анненковъ, много потрудившійся надъ изученіемъ развитія творчества Пушкина, въ раннемъ своемъ трудѣ, въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», изд. въ 1855 г., большую долю вліянія на развитіе таланта Пушкина приписываетъ чрезвычайно культурному складу жизни отца и дяди великаго поэта, дома которыхъ въ Москвѣ были, въ періодъ дѣтства и отрочества поэта, своего рода клубами литературныхъ знаменитостей того времени какъ русскихъ, такъ и заѣзжихъ иностранныхъ. Въ болѣе позднемъ трудѣ—«Пушкинъ въ Александр. эпоху» (1874 г.) Анненковъ совершенно иначе рисуетъ частную жизнь Пушкиныхъ—родителей и дяди поэта,—отнимая у нея возможность дѣйствовать благотворно на развитіе умственныхъ, нравственныхъ и литературныхъ склонностей Александра Сергѣевича. Придавъ полную вѣру нѣкоторымъ современнымъ сатирическимъ, шутливымъ изображеніямъ и описаніямъ братьевъ Василія и Сергѣя Львовичей, Анненковъ изобразилъ отца и дядю нашего великаго поэта въ комически-утрированномъ видѣ, представивъ ихъ какими-то Петръ Ивановичами Бобчинскимъ и Добчинскимъ, охарактеризовавъ ихъ умственный и нравственный обликъ презрительнымъ названіемъ «чахлаго подобія эпохи Людовика XV на русской почвѣ» (стр. 19) (2). Развитіе же таланта Александра Сергѣевича Анненковъ объяснялъ геніальностью натуры поэта съ одной стороны и благотворнымъ вліяніемъ Арзамаса съ другой.

Пыпинъ отрицаетъ серьезное вліяніе Арзамаса на развитіе склонностей и убѣжденій Пушкина, приписывая происхожденіе «инстинктовъ свободы» и «уваженія къ мысли и наукѣ» (Характер. лит. мн. 73) вліянію тѣхъ тайныхъ обществъ русской молодежи, которыя существовали въ Россіи въ Александровское время и съ дѣятелями которыхъ Пушкинъ познакомился въ Петербургѣ и на югѣ Россіи уже по окончаніи курса въ лицеѣ. Но такому утвержденію Пыпина противорѣчитъ, во 1-хъ, свидѣтельство какъ Анненкова, такъ и другихъ лицъ, между прочимъ, декабриста Пущина, друга поэта (3), что Пушкинъ не былъ дѣйствительнымъ членомъ ни одного

изъ тайныхъ обществъ съ политическимъ оттѣнкомъ, во 2-хъ, то, что въ средѣ членовъ этихъ обществъ Пушкинъ, по свидѣтельству Анненкова, не могъ найти полной и ясной системы основныхъ воззрѣній, глубины и основательности руководящихъ принциповъ (4) и въ 3-хъ,—«пристиктами свободы» и «уваженіемъ къ мысли и наукѣ» несомнѣнно проникнуты уже лицейскія произведенія поэта (напр «Лицинію» «Посл. къ сестрѣ». «Городокъ») Стало быть, эти возвышенные культурные интересы образовались въ Пушкинѣ помимо вліяній «Сѣвернаго Общества» или «Союза благоденствія».

Петербургская интеллигенція 20-хъ годовъ, по словамъ Анненкова (5), представляла довольно пеструю картину, характеризуемую названіемъ «путаницы перекрещивающихся воззрѣній и ученій», изъ нея (т. е. изъ путаницы воззрѣній) поэтъ долженъ былъ будто бы «выдѣлять элементы своего умственнаго и нравственнаго воспитанія». На примѣрѣ Лермонтова мы можемъ видѣть, какимъ тяжелымъ и продолжительнымъ процессомъ долженъ былъ бы быть этотъ трудъ выдѣленія элементовъ умственнаго и нравственнаго воспитанія. Выработкѣ опредѣленнаго міросозерцания должны были предшествовать продолжительные, тяжелые періоды сомнѣній, колебаній. Произведенія Пушкина не свидѣтельствуютъ о продолжительныхъ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ поэта относительно указанныхъ пунктовъ его воззрѣній. Напротивъ, для Пушкина, какъ натуры созерцательной, а не рефлектирующей, было величайшимъ счастіемъ и залогомъ успѣха именно то, что онъ выступилъ на литературное поприще со вполнѣ опредѣленными, возвышенными идеалами, сообщившими его художественной дѣятельности удивительную ширь основного фона.

Пушкинъ, по словамъ Анненкова, «умѣлъ усвоить отъ этой эпохи лучшее ея достояніе—ея пытливость къ осмысленному, разумному существованію и ея вражду по всему злобному, низкому и раболѣпному. Она-то и образовала изъ Пушкина типъ геніальнаго человѣка съ простой душой, насадителя благороднѣйшихъ чувствъ и помысловъ на Руси, радѣтеля и провозвѣстника всего, что возвышаетъ мысль и помогаетъ ей переносить тяготы и противорѣчія жизни» (6). Но почему-же та же самая эпоха и та же самая среда произвели рядомъ съ Пушкинымъ и такихъ циниковъ въ поэзіи, какъ Барковъ, такихъ калѣкъ, какъ Полежаевъ? Почему Лермонтовъ, при всей громадности своего дарованія, не успѣлъ къ 27-ми годамъ своей жизни сложиться въ опредѣленную и яркую моральную и литературную величину? Откуда-же у Пушкина цѣльность воззрѣній, ихъ опредѣленность, устойчивость? Откуда «это сладострастье высокихъ мыслей и стиховъ», заставлявшее поэта «часто цѣлый свѣтъ съ восторгомъ забывать» «для бесѣдъ со своими друзьями—мертвецами, парнас-

скими жрецами?» Откуда, наконецъ, это цѣломудріе въ удовольствіяхъ, въ которыя увлекали Пушкина нѣкоторые товарищи и друзья его молодости, цѣломудріе, о которомъ свидѣтельствуютъ признанья самого поэта, въ искренности которыхъ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться:

Угодникъ Бахуса, я, трезвый межъ друзьями,
Бываю пѣнъ вино водянными стихами.

Въ «Черновыхъ наброскахъ» (1818 г.), обращенныхъ къ неизвѣстной подругѣ «зари» его лѣтъ поэтъ говоритъ:

Позволь душѣ моей открыться предъ тобою
И въ дружбѣ сладостной отраду почерпнуть.
Скучая жизнію, томимый суетою
Я жажду близъ тебя свободно отдохнуть.
Ты помнишь, милая, зарею нашихъ лѣтъ
Младенцы, мы любить умѣли...
Какъ быстро наши лѣта улетѣли!
Въ кругу чужихъ, въ немилой сторонѣ
Я мало жилъ и наслаждался мало.
И дней моихъ печальное начало
Наскучило, давно постыло мнѣ...
Къ чему мнѣ жить? Я не рожденъ для счастья,
Я не рожденъ для дружбы, для заботъ.
Я хладно пилъ изъ чаши сладострастья.
(Соч. П. изд. общ. литер. I, 196—197).

Въ посланіи Н. И. Кривцову (1818 г.) поэтъ называетъ себя

Страдальцемъ чувственной любви.

Въ посланіи къ Чаадаеву (того-же года) поэтъ говоритъ:

Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ страдалецъ утомленный.

Все значеніе этихъ въ полной мѣрѣ «выстраданныхъ стиховъ» Пушкина обнаруживается при сличеніи ихъ со свидѣтельствомъ Вигеля, что «въ то время невѣріе почиталось непремѣннымъ условіемъ просвѣщенія и цѣломудріе юноши казалось вѣрнымъ признакомъ его слабоумія» (7).

Знакомство Пушкина съ отдѣльными представителями интеллигенціи Петербурга 20-хъ годовъ, какъ Чаадаевъ, Катенинъ, несомнѣнно, было благотворно именно для развитія тѣхъ сторонъ его душевной жизни, о которыхъ мы говорили, но оно было кратковременно. Притомъ, и самое влеченіе Пушкина къ знакомству и бесѣдамъ съ серьезно-мыслящими

людьми предполагаетъ уже ранѣе существовавшую потребность въ общеніи съ людьми мысли, склонность съ серьезной мыслительной дѣятельности.

Остается въ полной силѣ указаніе Анненкова на благотворное вліяніе на Пушкина литературнаго общества Арзамасъ (8). Но что такое Арзамасъ? Въ существующихъ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ этой эпохи, въ указаніяхъ и ссылкахъ на Арзамасъ заключается очень много неяснаго, неопредѣленнаго, противорѣчиваго, вызваннаго долго бывшимъ въ литературѣ отсутствіемъ опредѣленныхъ данныхъ относительно характера, принциповъ и значенія этого знаменитаго общества. Въ послѣднее время благодаря счастливымъ находкамъ Тихонравова, Кирпичникова и Сантова явилась возможность опредѣленно говорить какъ о происхожденіи этого «Іерусалима ума и вкуса» (какъ называлъ Арзамасъ Пушкинъ), такъ и о вліяніи его на складъ литературныхъ, этическихъ и общественныхъ взглядовъ и идеаловъ Пушкина.

Оказывается теперь, что Арзамасъ представлялъ возстановленіе или возобновленіе въ Петербургѣ московскаго «святого союза любви», «Дружескаго литературнаго Общества», основаннаго въ Москвѣ въ 1801 г. 12 января бывшими студентами Московскаго Университета, подъ руководствомъ проф. Мерзлякова и директора университета И. Петр. Тургенева, на развалинахъ новиковскаго Дружескаго общества и не безъ подражанія геттингенскому университетскому «Союзу добродѣтели», Тугендбунду, основан. въ 1772 г. Московскій «союзъ святой любви» просуществовалъ не долго—года три—четыре, онъ разстроился, главнымъ образомъ, кажется, вслѣдствіе переселенія въ Петербургъ главнѣйшихъ членовъ его: Карамзина, Тургеневыхъ. Жуковскаго, Блудова и друг. Обнародованные недавно Кирпичниковымъ (9) основные пункты устава Арзамаса тождественны съ уставомъ московскаго Дружескаго литературнаго общества (10). Московскій университетскій «святой союзъ любви» находился въ живомъ общеніи съ Веймарскимъ литературнымъ кругомъ Гете, Виланда, Гердера (11). На вопросѣ о романтизмѣ (Тихонр. III, 475) московскій дружеско-литературный кружокъ раскололся на двѣ партіи: Мерзляковъ остался на сторонѣ классицизма; молодежь—Тургеневы, Жуковскій и другіе—сочувственно привѣтствовала романтизмъ. Когда эта молодежь, эти москвичи по рожденію или воспитанію, восторженные поклонники Гете и Шиллера, считавшіе Гете—«великана романтической поэзіи» (Пушк. V, 57) животворителемъ своей жизни» (Жуковск. Соч. II 412), эти принципіальные романтики русскіе собрались мало-по-малу къ 1815 г. въ Петербургѣ, то они, въ цѣляхъ успѣшности борьбы съ защитниками ложно-классицизма, группировавшимися вокругъ почтеннаго президента Россійской Академіи, адмирала Шишкова въ Общество Бесѣды любителей рус. слова, и не безъ подра-

жанія обществу франкфуртскихъ и страсбургскихъ вольныхъ геніевъ въ Германіи, образовавшемъ съ своей стороны, въ противоположность и въ противовѣсъ Бесѣдѣ, общество, случайно названное Арзамасомъ, но въ сущности представлявшее возобновленіе московскаго «Дружескаго литературнаго общества» въ Петербургѣ, такъ какъ по законамъ этого послѣдняго—«если бы случилось, что по какимъ-либо обстоятельствамъ всѣмъ или большей части членовъ его должно было разстаться, въ такомъ случаѣ общество не должно рушиться» (12). Александръ Сергѣевичъ былъ принятъ рано въ члены Арзамаса и какъ «поэтъ и семьянинъ» «поэта дяди» Василія Львовича Пушкина, избраннаго старостою Арзамаса (13) и какъ членъ одного дружескаго круга литераторовъ—москвичей по своему воспитанію или связямъ (Карамзинъ, Жуковскій, Тургеневы, Блудовъ, Уваровъ, Вяземскій, Жихаревъ, В. Л. и А. С Пушкины, Батюшковъ) (14).

Если, такимъ образомъ, возникновеніе Арзамаса въ Петербургѣ въ 1815 году было только продолженіемъ умственнаго движенія въ средѣ русской интеллигентной молодежи, начавшагося въ Москвѣ, подъ эгидой Московскаго университета, то слѣдовательно вопросъ о вліяніи Арзамаса на Пушкина сводится къ вопросу объ органическомъ продолженіи развитія его таланта въ Петербургѣ среди однихъ и тѣхъ же лицъ, бывшихъ дружественными семьѣ Пушкиныхъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, лицъ, свято хранившихъ идеалы того тургеневскаго кружка въ Москвѣ, въ которомъ по прекрасному выраженію Тихоправова (Соч. III, 413) «воплотилось все, что оставалось чистаго и праведнаго отъ екатерининскаго вѣка». Другими словами, семьѣ Сергѣя Львовича нужно приписать больше положительнаго значенія въ установленіи умственнаго и нравственнаго облика нашего великаго поэта, чѣмъ это предполагалось до сихъ поръ.

Изъ родной семьи Александръ Сергѣевичъ вынесъ, очевидно, не одни «генеалогическіе предразсудки» и не одну «англоманскую теорію» относительно роли дворянства въ русской общественной жизни (15), а и многое другое, цѣлый кодексъ воззрѣній и убѣжденій—религіозныхъ, нравственныхъ, общественныхъ и литературныхъ. Недостатки школьнаго воспитанія, слишкомъ мало дававшаго молодымъ людямъ устоевъ нравственныхъ и умственныхъ (16), восполняли, повидимому, для Алекс. Сергѣевича, члены родной семьи, высоко-образованные, проникнутые гуманнѣйшими началами нравственнаго братства Новикова, а затѣмъ И. П. Тургенева, друзья Сергѣя и Василія Львовичей,—давшіе поэту тѣ кормило и весло, съ которыми онъ и поплылъ по довольно бурному океану тог-

дашней русской жизни. Въ примѣненіи къ Пушкину оказывается совершенно вѣрнымъ изреченіе Батюшкова:

... отъ первыхъ впечатлѣній,
Отъ первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу геній
И имъ въ теченьи дней своихъ не измѣнитъ.
(Сочин. изд. 5 общеполост стр. 80).

Пушкины—отецъ и дядя поэта—любили жить весело. Но это веселье не заслоняло у нихъ серьезныхъ интересовъ къ наукѣ, литературѣ, вообще, къ просвѣщенію. Повидимому, основные принципы практической жизни, окружавшей А. Серг. въ дѣтствѣ и юности, выражены самимъ поэтомъ въ посланіяхъ къ Лидѣ (1816 г.) и къ Каверину (1817 г.) изъ которыхъ послѣднее написано, какется, не безъ подражанія одѣ Горація къ Таліарху (кн. I, 9.)

Люблю я добраго Сократа
Онъ въ мірѣ жилъ, онъ былъ умѣнъ;
Съ своею важностью приворной
Любилъ пиры, театры, женъ... (Лидѣ)
Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ:
Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный...
Пока живется намъ, живи,
Гуляй въ мое воспоминанье,
Молись и Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ киоерой, съ портикомъ и съ лирой и съ бокаломъ,
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ. (Къ Каверину)

Изящнымъ удовольствіямъ, театру, наукамъ и литературнымъ интересамъ въ семьѣ Пушкиныхъ отводилось преимущественное мѣсто, и это обстоятельство, въ связи и открытымъ характеромъ и добрымъ сердцемъ Василія и Сергѣя Львовичей, дѣлало дома ихъ въ Москвѣ центрами интеллигенціи (извѣстно, что въ аналогичной культурной обстановкѣ протекало дѣтство Гете во Франкфуртѣ):

Ты помнишь, какъ бывало
Текли часы для насъ,

писалъ Василій Львовичъ своему брату Сергѣю въ 1797 г., вспоминая о годахъ своего ученія и воспитанія въ домѣ своего отца, дѣда нашего великаго поэта, Льва Александровича:

Природой восхищаясь,
Гуляли мы съ тобой,
Или полезнымъ чтеньемъ
Свой просвѣщали умъ,
Или Творцу вселенной
На лирахъ пѣли гимнъ!
Поэзія святая!
Мы съ самыхъ юныхъ лѣтъ
Тобою занимались,
Ты услаждала насъ. (17)

«Благодарю судьбу, писалъ Вас. Львовичъ своему племяннику, Льву Сергѣевичу Пушкину, младшему брату поэта: «я съ самыхъ юныхъ лѣтъ

Любилъ изящное, и часто отъ суеты,
Отъ шума свѣтскаго я въ тишинѣ скрывался,
Учился и читалъ и сердцемъ наслаждался,
Любилъ писать стихи, но зависти не зналъ (18)

Таже наслѣдственная черта—привычка удалятися «отъ шума свѣтскаго», «отъ безплодной суеты земной» въ тишину кабинета для бесѣдъ «съ мертвецами, парнасскими жрецами» отличала и Александра Сергѣевича.

Всѣ современники единогласно утверждаютъ, что Вас. Льв. былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и круга. Изъ путешествія своего во Францію и Англію въ 1803 году В. Л. вынесъ много важныхъ образовательныхъ элементовъ. Онъ правдиво говорилъ о себѣ.

Не улицы однѣ, не площади и домы,
Сенъ-Пьеръ, Делиль, Фонтанъ мнѣ были тамъ (въ Парижѣ) знакомы.
Не грубымъ остякомъ, достойнымъ сожалѣнья,
Предсталъ предъ ними я любителемъ ученья,
Они то видѣли, что съ юныхъ дней моихъ
Познаній я искалъ не въ именахъ однихъ,
Что съ восхищеніемъ читалъ я Ѳукидида,
Тацита, Плинія и, признаюсь, Кандида. (19).

«Во время путешествія своего за-границу Пушкинъ собралъ драгоцѣнную библіотеку изъ лучшихъ изданій латинскихъ, французскихъ и англійскихъ писателей; многія изъ книгъ его собранія принадлежали королевской и другимъ богатымъ до революціи французскимъ библіотекамъ, такъ что извѣстный библіоманъ того времени гр. Бутурлинъ завидовалъ сокровищамъ Пушкина, а самъ владѣлецъ ихъ очень гордился своимъ

пріобрѣтеніемъ» (20). Алекс. Сергѣевичъ, несомнѣнно, имѣлъ полную возможность основательно познакомиться съ библіотекой своего дяди какъ до отъѣзда своего въ лицей, такъ и въ періодъ времени, протекшій въ Петербургѣ между пребываніемъ поэта въ отчемъ домѣ и поступленіемъ въ лицей, когда поэтъ жилъ въ домѣ дяди, подъ его исключительнымъ попеченіемъ (21).

Какъ литературный дѣятель, Вас. Львов. нашелъ слѣд. оцѣнку своихъ заслугъ для рус. литературы въ критич. статьѣ кн. Вяземскаго, написанной, несомнѣнно, съ полнымъ соблюденіемъ арзамасскаго принципа. «изъяснять свое мнѣніе съ совершенною свободою, сохраняя при этомъ чистосердечіе и любезную строгость дружества»: «Стихотворенія В. Л. Пушкина давно уже извѣстны любителямъ русской поэзіи, писалъ кн. Вяземскій по поводу изданія стихотвор. В. Л. въ 1821 г. Первые опыты его принадлежатъ эпохѣ преобразованій, введенныхъ въ нашъ языкъ твореніями Карамзина и Дмитріева, которыя освободили его отъ тяжкихъ оковъ, на него наложенныхъ неудачными послѣдователями Ломоносова, Петрова и Державина, и отъ сухой принужденности и черствaго однообразія, приданныхъ ему слишкомъ удачными подражателями Сумарокова. Небольшія стихотворенія его, напечатанныя еще въ 1790 г., носили уже легкій отпечатокъ того вкуса, той свободности стихосложенія, чистоты и правильности языка, которыя сдѣлались послѣ отличительными свойствами свѣтской и общежительной музы нашего стихотворца. Непринужденный разсказъ его басенъ, посланія, написанныя слогомъ исправнымъ и обогащенныя стихами, въ которыхъ мысли ясно и естественно расположены и многія другія произведенія, отличающіяся отдѣлкою искусства и тѣмъ усовершенствованіемъ вкуса, которое заемлется отъ навыка общества и тѣмъ самымъ пріучаетъ общество къ чтенію отечественныхъ произведеній, должны почесться истинными заслугами, имъ оказанными русской словесности. Сіи плоды досуга и многихъ годовъ безмятежныхъ, счастливо посвященныхъ утѣхамъ дружбы и мирнымъ удовольствіямъ, доставляемымъ намъ любовію къ изящному и благороднымъ склонностямъ образованнаго ума, ставятъ нашего поэта въ избранное число тѣхъ поклонниковъ музъ, которыхъ стихотворныя занятія сдѣлались вмѣстѣ и лучшимъ наслажденіемъ ихъ жизни и неоспоримымъ правомъ на благосклонность и уваженіе просвѣщенныхъ соотечественниковъ» (22). Въ своей автобіографіи кн. Вяземскій говоритъ о Вас. Львовичѣ: «онъ былъ пріятный, вовсе не дюжинный стихотворецъ» (Соч. I, стр. XXIX). Какъ частный человѣкъ, въ его обыденной жизни, Вас. Львов. представленъ такимъ въ описаніи г. Кононова, относящемся къ послѣднему году его жизни: «старикъ, чуть движущійся отъ подагры, его мучившей, небольшой рос-

томъ, съ открытой физіономіей, съ сѣдыми, немногими оставшимися еще на головѣ волосами, очень веселый балагуръ — вотъ что видѣлъ я въ немъ при первомъ свиданіи. При дальнѣйшемъ знакомствѣ я нашелъ въ немъ любезнаго, добраго, откровеннаго и почтеннаго человѣка, не генія, какимъ былъ его племянникъ, даже не безъ предразсудковъ, но человѣка, какихъ немного, человѣка, о которомъ всегда буду вспоминать съ уваженіемъ и признательностью» (23).

Геніальный поэтъ — племянникъ Александръ Сергѣевичъ въ своихъ стихотвореніяхъ давалъ своему «дядюшкѣ поэту» очень лестные эпитеты, свидѣтельствующіе о своемъ глубокомъ уваженіи къ нему и въ то же время о своемъ подчиненіи его вліянію въ ранніе годы своей жизни: въ посланіи своемъ къ Вас. Льв. 1817 г. Алекс. Серг. называетъ своего «почтеннаго дядю» своимъ парнасскимъ отцомъ (24). Въ посланіи изъ лицея 1816 г. Алекс. Серг., отвѣчая на письмо Вас. Львов., говор.: «Въ посланіи Вашемъ Вы назвали меня братомъ, но я не осмѣлился назвать Васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ:

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ рюмъ вакхическихъ шатаясь на Пегасѣ.
Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ,
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ,
Вы дядя мой и на Парнасѣ (25)

Въ самомъ посланіи Алекс. Серг опредѣляетъ положеніе Вас. Льв въ Арзамасѣ и даетъ нѣсколько поэтическихъ сравненій, вѣрно характеризующихъ литературное направленіе своего «парнасскаго отца» и «дяди».

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ испытанный поэтъ (26)
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ,
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный Вотъ,—
Тебѣ, мой дядя, въ Новый годъ
Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ стихотвор. посланіи къ Дельвигу (1815 г.) Ал. Серг. опредѣленно говоритъ, что Вас. Львовичъ имѣлъ сильное вліяніе какъ на пробужденіе творческихъ способностей въ немъ, такъ и на естественное направленіе ихъ:

Послушай, музъ невинныхъ
Лукавый духовникъ
Жилецъ полей пустынныхъ,
Поэтовъ грѣшныйликъ
Умножилъ я собою,
И я главой поникъ
Предъ милою мечтою.
Мой дядюшка—поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ (27)

Сравненіе произведеній Вас. Львовича съ произведеніями Алекс. Сергѣевича, особенно ранними, лицейскими, обнаруживаетъ между ними много общаго въ идейномъ отношеніи. Многіе взгляды Василія Львовича, высказанные имъ въ посланіяхъ къ кн. Вяземскому, Жуковскому, Дашкову, въ баснях и другихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ то время, когда геніальный племянникъ его проходилъ курсы домашняго и лицейскаго ученія, повторяются въ произведеніяхъ Алекс. Сергѣевича, даже позднихъ, въ болѣе яркой и сильной поэтической формѣ. Въ «талантѣ превосходномъ, всѣ мысли выражать способномъ» (28) уже тогда заключалось одно изъ величайшихъ преимуществъ геніальнаго поэта-племянника передъ талантливымъ поэтомъ-дядей. Объ этой особенности своего генія самъ поэтъ писалъ такъ въ 1821 года въ стихотвореніи «Къ моей чернильницѣ»:

И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И мыслей выраженья.
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То странность рифмы новой,
Не слыханной дотолѣ
Цензурою суровой (29)

Или еще въ стихотвореніи «Прозаикъ и поэтъ»

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Подай мнѣ мысль, какую хочешь,
Ее съ конца я заострю,
Летучей рифмой оперю
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А тамъ пошлю на удалую
И горе нашему врагу (30)

Все это—особенности дарованія нашего поэта, одинаковыя съ отличительными чертами таланта Гете, котораго Пушкинъ называлъ «нашимъ германскимъ патріархомъ» въ силу живыхъ связей, существовавшихъ между основателями московскаго Дружескаго литературнаго общества, унаслѣдованныхъ и Арзамасомъ, и «Веймарской аѳинской академіей».

Благодаря удивительному умѣнью владѣть всѣми средствами языка, А. С. Пушкинъ ясно и сильно выразилъ и, такъ сказать, пустилъ въ литературный оборотъ идеи и идеалы своихъ ближайшихъ учителей и руководителей, сталъ въ началѣ своей дѣятельности эхомъ русскихъ романтиковъ, сгруппировавшихся подъ знаменемъ Арзамаса. Это согласно какъ со взглядомъ самого Пушкина на свои заслуги передъ рус. обществомъ (И долго буду тѣмъ любезенъ я народу, что *звуки новые для тѣсенъ я обрѣлъ*) (31), такъ и съ безпристрастными свидѣтельствами современниковъ объ отношеніи поэзіи Пушкина къ людямъ его поколѣнія:

«не разнообразный геній его, говор. Полевой, не прелесть картинъ увлекала современную молодежь, а звучные стихи, изображавшіе ихъ мысль» (32).

Скоро А. С. Пушкинъ, усвоивъ все, что могли дать ему его современники и учителя, и опираясь на силы своего гелія, пошелъ дальше, неизмѣримо дальше своихъ учителей. И чуткіе изъ его современниковъ и друзей немедленно почувствовали всю силу и мощь генія поэта-племянника. Уже въ 1818 году 25 апрѣля кн. П. А Вяземскій писалъ В. А. Жуковскому по поводу стихотвореннаго посланія Пушкина къ этому послѣднему: «Стихи чертенка-племянника чудесно-хороши! *Въ дыму столыпіи*! Это выраженіе—городъ. Я все отдалъ бы за него движимое и недвижимое. Какая бестія! Надобно намъ посадить его въ желтый домъ: не то этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ. Державинъ испугался бы *дыма столыпіи*, о прочихъ и говорить нечего (33). Изданная въ 1820 г. поэма «Руслан и Людмила» была уже признана побѣдой геніальнаго ученика—поэта надъ учителемъ, Жуковскимъ; послѣдовавшій за нею непрерывный рядъ поэтическихъ произведеній А. С. Пушкина, захватывавшихъ постепенно все глубже и глубже русскую жизнь, расширявшихъ болѣе и болѣе область поэтическихъ воссозданій дѣйствительности, сдѣлалъ его учителемъ поколѣній русскихъ поэтовъ, эхомъ русскаго народа... Но, повторяю, многіе основные, существенные идеалы, проникающіе произведенія А. С. Пушкина, сложились уже въ раннія годы его жизни, въ родной семьѣ, подъ благотворнымъ вліяніемъ членовъ дружественнаго Пушкинымъ круга русской интеллигенціи. Василію Львовичу, тѣсно примкнувшему къ семьѣ своего роднаго брата, вслѣдствіе неудачно сложившейся собственной семейной жизни, и принимавшему самое живое участіе въ ученіи и воспитаніи своихъ племянниковъ и племянницы, принадлежала, повидимому, дѣйствительно значительная роль не только въ направленіи литературныхъ симпатій Александра Сергѣевича (34), но и въ складѣ его моральныхъ воззрѣній. Конечно, Вас. Львовичъ по степени своего дарованія былъ ниже своихъ друзей, какъ Карамзинъ, Батюшковъ, Жуковскій и Вяземскій, уступалъ онъ имъ и въ оригинальности и глубинѣ своихъ воззрѣній; но сила вліянія его на юнаго поэта-племянника заключалась въ томъ, что онъ горячо сочувствовалъ всему возвышенному, что давало его время, и своимъ сочувствіемъ идеальнымъ стремленіямъ лучшихъ людей своего времени онъ развивалъ и поддерживалъ въ племянникѣ «священный сердца жаръ», «къ высокому стремленье», содѣйствовалъ образованію въ А. Сергѣевичѣ той важной черты его ума и воли, которую этотъ послѣдній называлъ «сладострастьемъ высокихъ мыслей и стиховъ».

Основная черта убѣжденій В. Львовича, какъ сына своего времени—вѣка просвѣщенія, выражалась «въ любви къ словесности и наукамъ», въ глубокой вѣрѣ въ живительныя силы просвѣщенія, науки, въ торжество разума человѣка

Повѣрь: слова невѣждъ—пустой кимвала звукъ;
Они безумствуютъ, сіяетъ свѣтъ наукъ!
... Грѣхъ во тьмѣ ходить!

«Тотъ къ странѣ своей родной усердіе питаетъ, кто, слѣдуя похвальному внушенію, чтитъ дарованія, стремится къ просвѣщенію»... Особенно ярко В. Львов. выразилъ эти свои задушевныя мысли въ баснѣ «Сычи» (напеч. въ 1812 г.), подъ которыми онъ разумѣлъ «авторовъ-невѣждъ».

Сіяніе златого Феба
Не можетъ нравиться Сычамъ.
Когда по тонкимъ облакамъ,
Средь свѣтло-голубого неба
Онъ, гордо шествуя, даритъ отраду намъ,
Враги его въ дуплахъ скрываются, стенаютъ
И Феба проклинаютъ...

Но вотъ случилось солнечное затменіе въ самый полдень, и Сычи возликовали:

Въ восторгѣ Сычъ кричитъ. Друзья! злодѣя нѣтъ!
Свѣтильникъ пагубный не существуетъ болѣ.
Нѣтъ, полно жить въ неволѣ!
Глядѣть во всѣ глаза намъ велѣно судьбой,
Тьма благотворная на вѣки воцарилась;
Летите вслѣдъ за мной!

Тучею стремятся Сычи къ небесамъ, гдѣ обыкновенно парятъ орлы... Скоро, однако, затменье окончилось, и солнце возсіяло: возвеселился міръ; все оживилось вновь, соловьи воспѣли блаженство и любовь, и Сычи стремглавъ свалились на землю. Мораль басни такова:

Какъ солнца свѣтлаго лучи,
Сіяютъ даръ, ученье.
Невѣжество умовъ затменье,
Невѣжды-авторы—сычи. (35)

Таже самая мысль, но только въ несравненно болѣе сильной и изящной формѣ выражена А. Сер. Пушкинымъ въ «Вакхической пѣснѣ» (1825 г.):

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,

Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма! (36)

Вѣра въ торжество науки и разума предполагаетъ вѣру въ неустанный прогрессъ человѣческаго ума, въ побѣдоносную борьбу его съ предубѣжденіями и предразсудками:

Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости ни мало,
Они мертвятъ нашъ умъ, и варварства начало..
Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить...
Грядущимъ временамъ вѣкъ Августовъ примѣръ...
Такъ сынъ отечества науками гордится,
Во мракѣ утопать невѣжества стыдится...

Тоже въ сущности мысль и тѣмъ-же размѣромъ выразилъ Алекс. Серг. въ посланіи къ цензору:

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать.

Въ стихотвореніи «Сонъ»:

Что жъ надобно? Движенье, господа!

Просвѣщенный разумъ у Вас. Львовича соединяется съ просвѣщенными религіозными воззрѣніями и убѣжденіями:

За Бога, вѣру, честь мнѣ сердце говоритъ.
Родителей моихъ я помню наставленья:
Сынъ церкви долженъ быть и другомъ просвѣщенья.
Спасительный законъ ниспосланъ намъ съ небесъ,
Чтобъ быть подпорою средь счастія и слезъ.
Онъ благо и любовь. Прочь клевета и злоба!
Безбожникъ и ханжа равно порочны оба (37)

Религіозность Алекс. Сергѣевича—черта извѣстная. Пушкинъ съ почтительнымъ благоговѣніемъ относился къ Библіи, его плѣняла поэзія Библіи, равно какъ и поэзія Четьихъ Миней, читать которыя онъ совѣтовалъ Жуковскому. Религіозное чувство выражалось у А. Сер. не только въ стихотвореніяхъ поздняго періода его жизни, но и въ лицейскихъ: въ лицеѣ на экзаменѣ въ 1817 г. онъ читалъ написанную размѣромъ посланій Вас. Львовича оду «Безвѣріе».

Въ числѣ стихотвореній Вас. Львовича есть два религіознаго характера на тему о божественной любви и всепрощеніи: «Не рыдай мене, мати, зряще во гробѣ» и «Творение Кассіаны инокини» съ эпиграфомъ: «Господи, иже во многіе грѣхи впадшая жена». Послѣднее таково.

Библиотека

Жена грѣхами отягчена,
Но ощутивъ въ себѣ творца природы всей,
Къ владыкѣ своему течетъ блѣдна, смущена
Съ скорбящей мрачною душой,
Приноситъ миро и рыдаетъ...
«О горе!» вопетъ: страсть душу раздираетъ,
«Какъ ночь безлунная, она покрыта тьмой:
«Грѣшаюсь я собой.
«Воззри, о Господи, на скорбь мою ужасну!
«Кто можетъ, коль не ты, спасти отъ бѣдъ несчастну?
«Прими моихъ источникъ слезъ;
«Ты сотворилъ моря, сводъ преклонилъ небесъ,
«Ты преклонись къ моимъ сердечнымъ воздыханьямъ!
«Нѣтъ мѣры горести, унынію, страданьямъ,
«Смиренно ногъ твоихъ я лобызаю прахъ,
«Какъ Ева, я лицо власами закрываю,
«Стыжусь и трепещу и каюсь во грѣхахъ;
«Я гибну, умираю..
«Но кто судебъ твоихъ изслѣдить бездну могъ?
»Не презри грѣшную, къ тебѣ я прибѣгаю,
«Спаситель мой и Богъ!

Съ этимъ стихотвореніемъ Вас. Львовича сходно и по содержанію и по размѣру извѣстное «Воспоминаніе» А. С. Пушкина

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ,
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Въ связи съ своими религіозными и моральными убѣжденіями Вас. Львовичъ рѣшалъ вопросъ объ отношеніяхъ образованнаго христіанина къ произведеніямъ бывшей модной въ тотъ вѣкъ фривольной, эротической поэзіи:

Неужель оттого моя пострадаетъ вѣра,
Что я подъ часъ прочту двѣ сцены изъ Вольтера?
Я христіанномъ, конечно, быть могу,
Хотя французскихъ книгъ въ каминѣ и не жгу.
Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости ни мало:
Они мертвятъ нашъ умъ и варварства начало.

Тѣже мысли и тѣмъ же размѣромъ стихотворнымъ высказываетъ Алекс. Сергѣевичъ въ стихотворномъ посланіи «Къ цензору».

Но цензоръ—гражданинъ, и санъ его священный;
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный,
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ,
Но мнѣнья не тѣснитъ и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и правовъ,
Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
Закону преданный, отечество любя,
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя.
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ.
Онъ другъ писателей, предъ знатью не трусливъ,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.

Нѣкоторыя изъ высказанныхъ здѣсь мыслей, именно, о свободѣ слова и нравственности въ поэзіи позже были формулированы Алекс. Сергѣевичемъ точнѣе: «Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлію или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правовъ, на коихъ основано общественное счастіе или достоинство человѣка. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу въ отвратительную колдунью. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе» (38). Изъ такого пониманія нравственности вытекаетъ данная самимъ А. С. Пушкинымъ оцѣнка моральнаго значенія его поэзіи: «чувства добрыя я лирой пробуждалъ».

Вас. Львовичъ былъ искреннимъ патріотомъ·

Я съ возвышенною иду вездѣ главою;
Мой разумъ просвѣщенъ, и Сены на брегахъ
Я пѣлъ любезное отечество въ стихахъ.
... я въ землѣ чужой
Гордился русскимъ быть и русскій былъ прямой.

Сильное патріотическое чувство отличало и А. Серг. Оно неоднократно выражалось въ разнообразныхъ его стихотвореніяхъ, одинаково сильныхъ, искреннихъ и въ тоже время простыхъ по выраженію задушевныхъ мыслей поэта. Но въ данномъ случаѣ особенно интересно показаніе кн. Вяземскаго касательно патріотизма Пушкина по отношенію къ рус. литературѣ и русскому языку. «При всей просвѣщенности ума Пушкина, говор. кн. Вяземскій, въ немъ иногда пробивалась патріотическая щекотливость и ревность въ отношеніи суда его надъ чужестранными писателями» (39.) «Оскорбленіе русскому языку принималъ онъ за оскорбленіе лично ему нанесенное» (40). Съ патріотизмомъ связанъ, естественно, вопросъ о свободѣ гражданской. И въ этомъ пунктѣ совпадаютъ убѣжденія и воззрѣнія поэта-племянника и поэта-дяди, являясь отраженіемъ и обще-арзамасскихъ «законно-свободныхъ» идеаловъ: Вас. Львовичъ въ стихотвор. «Къ камину», написан. въ 1793 г. говоритъ:

Довольно, не хочу писать я болѣ.
И, не завидуя ничьей счастливой долѣ,
Стараться буду я лишь только честнымъ быть,
Законы почитать, отечеству служить,
Любить моихъ друзей, любить уединенье—
Вотъ сердца моего прямое утѣшенье (41)

Сходныя мысли выражалъ Ал. Серг. въ стихотвор. «Деревня»:

Я здѣсь отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.

Въ посланіи къ А. А. Шишкову А. Серг. говоритъ:

Друзей любить открытою душою,
Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красотою
—Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать готовъ.

Позже А. Серг. свободу слова опредѣлялъ точнѣе: «Мысль-великое слово! Что же и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ,—въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ» (12). И такое пониманіе свободы, какъ дѣятельности, ограничиваемой предѣлами закона, Пушкинъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ о себѣ въ «Памятникѣ»: «Что въ мой жестокій вѣкъ воспѣлъ я свободу». Изъ идеи законности у Пушкина вытекало отвращеніе къ насильственнымъ переворотамъ, потрясеніямъ политическимъ и общественнымъ: «Молодой человѣкъ! Если записки мои попадутся въ твои руки, говоритъ Пушкинъ устами Гринева вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, кои происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній». (13).

По своимъ морально-философскимъ воззрѣніямъ Вас. Львовичъ былъ оптимистъ, вѣрившій въ конечное торжество добра и правды:

Бѣда не все бѣду родитъ,

писалъ онъ Дашкову: и послѣ горя

Летитъ веселье къ намъ... Не должно унывать,
Несчастіе не вѣчно... Вотъ твой совѣтъ полезный:
Терпѣніе, любезный!

Тотъ же свѣтлый оптимизмъ воодушевлялъ и Ал. Сер. и нашелъ напр. аналогичное выраженіе въ слѣдующ. граціозномъ стихотвореніи «Въ альбомъ Е. П. Вульфъ».

Если жизнь тебя обманетъ, Сердце въ будущемъ живетъ;
Не печалься, не сердись! Настоящее уныло;
Въ день унынія смирись, Все мгновенно, все пройдетъ,
День веселья, вѣрь, настанетъ. Что пройдетъ, то будетъ мило.

Какъ Василія Львовича, такъ и Алекс. Сер. отличало жизнелюбіе въ поэзіи. Въ «стихахъ на заданныя риемы», представляющихъ «разсужденіе о жизни, смерти и любви» (1804 г.), въ которое включена незамѣченная современниками и даже друзьями (извѣстенъ комическій эпизодъ сверженія арцамасцами Вас. Львов. съ предсѣдательства за это будто бы стихотвореніе) передѣлка словъ Клавдіо sc. I, Act III драмы Шекспира Measure for measure, Вас. Льв. говоритъ:

... Смерть, грозный *великанъ*,
Уноситъ все съ собой. И дубъ и *маяранъ*
И червь и человѣкъ въ рукахъ ея—*волянъ*.
Поймаетъ вмигъ она и спрячетъ въ свой *карманъ*,

Откуда не уйдешь ни въ Лондонъ, ни въ *Миланъ*
. . . . . .
. . . . Могила—не *диванъ*
Когда подумаю, что лѣзть мнѣ въ *чемоданъ*,
Что тамъ исчезнетъ все и голова и *станъ*,
Поморщусь и вздрогну...
Но пусть я буду живъ! Пусть жизни *караванъ*
Въ дорогѣ будетъ вѣкъ. Французъ и *молдаванъ*
Твердятъ, что смерти путь и труденъ и *песчанъ*,
А въ жизни мило все, крапива и *тюльпанъ*.
Живу, люблю, горю .. (44)

Если исключить изъ этихъ стиховъ модную для свѣтскаго общества того времени, осужденную аразмасцами, какъ несоотвѣтствующую серьезности ихъ содержанія, нѣсколько шутовскую форму, какою являются здѣсь *заданныя рифмы* (bouts rimées), то въ положительной части своей оно окажется предшественникомъ того дифирамба жизни, который высказываетъ у А. Серг. Клавдіо въ пьесѣ «Анджело», представляющей передѣлку той же «Мѣры за мѣру» Шекспира и вносящей въ шекспировскій образъ Клавдіо черту чисто-пушкинскаго жизнерадостнаго, отчасти пантеистическаго оптимизма:

Такъ... умереть,
Итти невѣдомо куда, во гробѣ тлѣть,
Въ холодной тѣснотѣ... Увы! *земля прекрасна*
И жизнь мила. А тутъ войти въ нѣмую мглу,
Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу... и т. д. (45)

Невольно по поводу этого и слѣдующихъ отраженій воззрѣній и литературныхъ симпатій Вас. Львовича въ поэзіи его геніальнаго племянника припоминаются слѣдующія слова Веневитинова:

И слово сильное случайно
Изъ груди вырвется твоей,—
Уронишь ты его недаромъ:
Оно чужую грудь зажжетъ,
Въ нее какъ искра упадетъ,
А въ ней пробудится пожаромъ.

Несомнѣнно, такими искрами для впечатлительной натуры геніальнаго поэта были возвышенныя воззрѣнія просвѣщеннаго и добраго Вас. Львовича на жизнь, природу и людей, западавшія въ нее иногда можетъ быть невольно, безсознательно, въ томъ живомъ взаимодѣйствіи, которое существуетъ между учителемъ и учениками въ школѣ, между старшими и младшими членами въ семьѣ.

Изъ столкновенія жизнелюбія съ тяжелыми для сознанія фактами жизни возникла захватывающая сердце трагедія духа нашего великаго поэта, нашедшая выраженіе въ удивительной «элегіи», написанной за годъ до женитьбы: «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье»...

... Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать.
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья,
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Основныя мысли, выраженныя въ этой элегіи, высказывались много раньше Вас. Львовичемъ:

И я на лирѣ пѣлъ, и я стихи любилъ,
Въ бесѣдахъ съ музами блаженство находилъ.

Поэзія святая! Ты услаждала насъ... «Любовь—блаженство, жизнь... Когда смерть злобная придетъ, пусть лишь одна любовь дни наши пресѣчетъ». Въ баснѣ «Смоковница», написанной въ 1817 г., Вас. Львовичъ излагаетъ такой сюжетъ: грозой разбило смоковницу, подъ тѣнью которой пернатые пѣвцы цѣлый майскій день воспѣвали любовь и счастье, пользуясь ея радушнымъ пріютомъ-покровомъ. Послѣ смерти Смоковницы ее покинули прежніе пернатые ея друзья; только Соловей и Горлица остались ей вѣрны и продолжали свое пребываніе на ней. «Я здѣсь любовь узнала, сказала горлица: и здѣсь я буду жить».

Смоковница меня счастливою видала
И съ нею я хочу несчастіе дѣлить.
И я любить умѣю,
Воскликнулъ Соловей,
Хочу сюда гармоніей своей
Со всѣхъ сторонъ привлечь людей,
Хотя смоковница не та ужъ нынѣ,
Но все любезна мнѣ и въ горестной кончинѣ.

Возвышенный оптимистическій взглядъ на смерть, какъ необходимый законъ міровой жизни, породилъ въ А. С. Пушкинѣ трогательное чув-

ство симпатіи ко всему молодому, чему предстоитъ жить и веселиться, чувство, которое поэтъ называетъ «улыбкой сквозь слезы» (Соч. I, изд. лит. фонда стр. 152):

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять (1829 г.).

Тѣмъ же воззрѣніемъ проникнута элегія Вас. Львов. «На кончину ***» (1827 года):

«Я вѣрю, скажутъ всѣ объ ней·
Она скончалась въ цвѣтѣ дней,
Она плѣняла красотою»,
И позабудутъ всѣ. Весеннею жъ порою
Долина, гдѣ она лежитъ.
Душистыми покроется цвѣтами;
Толпа ея подругъ съ вѣнками прибѣжитъ,
И рѣзвость слезы замѣнитъ.
Когда же солнце за горами
Сокроется, охотникъ молодой
Тамъ сядетъ отдохнуть, не зная,
Что попираетъ онъ ногой
Твой прахъ, прелестная Аглая.

Въ лицейскомъ обращеніи къ «Друзьямъ» (1816 г.) А. С. говоритъ.

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечеръ скоротечной,
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

То же чувство выражаетъ Василій Львовичъ въ трогательномъ экспромптѣ, напис. въ 1824 г. на прощаніе съ Тургеневыми:

Прощайте, милые друзья!
Подагрикъ разстается съ вами;
Но съ вами сердцемъ буду я,
Пока еще хранимъ богами.
Часъ близокъ; можетъ быть, увы!
Меня не будетъ,—будьте вы!

Высшая степень сочувствія къ людямъ выразилась въ проповѣди милосердія и состраданія, одинаково искренней какъ у Вас. Львовича, такъ и у Алекс. Сергѣевича. Василій Львовичъ въ баснѣ «Великодушный царь», (1815 г.) представляющей передѣлку басни Гишара Le roi judicieux, разсказываетъ, какъ одинъ невольникъ, осужденный на смерть, поносилъ царя, изрекшаго ему справедливый, законный приговоръ. Любимецъ царя передалъ послѣднему слова осужденнаго такъ, что будто

осужденный молится Богу и проситъ царя о помилованіи. Царь прощаетъ осужденнаго, пот. что «прощать для сердца утѣшенье». Когда завистливый другой придворный сдѣлалъ попытку возстановить правду словъ осужденнаго, то царь не внялъ «жестокой правдѣ»:

Къ добру меня влечетъ любимецъ вѣрный мой;
Въ жестокой правдѣ нѣтъ отрады никакой
И благотворну ложь я ей предпочитаю

Въ баснѣ «Старый Левъ и звѣри», напис. въ 1802 году, Вас. Львов. высказываетъ такую мораль:

Читатель согласится самъ,
Что въ старости не умъ, а сердце нужно намъ (46).

Тѣми же мыслями, тѣмъ же воззваніемъ къ милосердію проникнуты произведенія Ал. Сергѣевича—«Анджело», напис. въ 1834 г. и «Герои», написан. въ 1830 г. Въ послѣднемъ повторяются почти буквально изреченія Вас. Львовича:

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Что же
Онъ будетъ безъ него? тиранъ!

Этотъ призывъ къ сердцу, къ состраданью, эта проповѣдь милости къ падшимъ, являющаяся выдающейся, руководящей идеей всей русской литературы XIX в. отъ «Бѣдной Лизы» Карамзина до Катерины Масловой романа «Воскресенье» гр. Толстого, въ произведеніяхъ Пушкиныхъ, дяди и племянника, была сколько отраженіемъ гуманныхъ идей нравственнаго братства, связывавшихъ арзамасцевъ какъ другъ съ другомъ, такъ съ И. П. Тургеневымъ и съ дѣятельностью Н. И. Новиковыхъ, столько и выраженіемъ сердечной доброты, бывшей общей родовой чертой характера «Пушкиныхъ поэтовъ» (47). Она выражалась въ сходныхъ фактахъ какъ поэзіи ихъ, такъ и жизни. Дмитріевъ въ своей карикатурѣ на путешествіе Вас. Львовича за-границу представилъ его какимъ-то смѣшнымъ космополитомъ, заставивъ его сказать о самомъ себѣ:

Я право добръ! И всей душою
Готовъ обнять, любить весь свѣтъ.

Въ стихотвореніи «Къ арзамасцамъ» самъ Вас. Львов. даетъ иное, соверш. естественное и крайне симпатичное, толкованіе своей доброты, казавшейся б. м. многимъ современникамъ того «жестокаго» и чопорнаго вѣка чертой смѣшной. (48).

... Въ душѣ моей незлобной
Лишь къ пламенной любви и дружеству способной
Не приходила мысль надъ другомъ мнѣ шутить.

Это согласно со свидѣтельствомъ современниковъ о добротѣ Вас. Львовича: «Вас. Львов., говоритъ П. И. Дмитріевъ, былъ чрезвычайно добродушенъ, не сердился за шутки, дорожилъ постоянствомъ въ дружбѣ. Добрый и любящій общественную жизнь, онъ переходилъ т. сказ. отъ поколѣнія къ поколѣнію· былъ пріятель съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, потомъ съ Жуковскимъ, Батюшковымъ, Дашковымъ и ихъ современниками, потомъ сдѣлался пріятелемъ и съ нами, которые были и ихъ моложе. Кто-то примѣнилъ къ нему очень удачно названіе журнала Невзорова «Другъ юношества и всякихъ лѣтъ»

Александру Сергѣевичу вздумалось въ 1815 г. написать эпитафію самому себѣ и вотъ что онъ написалъ тогда.

Здѣсь Пушкинъ погребенъ: онъ съ музой молодою,
Съ любовью, лѣностью провелъ веселый вѣкъ,
Не дѣлалъ добраго, однако жъ былъ душою,
Ей Богу, добрый человѣкъ.

«Натура Пушкина, гов. кн. Вяземскій, была болѣе открыта къ сочувствіямъ, нежели къ отвращеніямъ. Въ немъ было болѣе любви, нежели негодованія». «Какъ Пушкинъ оживлялся и вспыхивалъ весь, писалъ Гоголь, когда шло дѣло къ тому чтобы облегчить участь какого либо изгнанника или подать руку падшему. Какъ выжидалъ онъ первой минуты царскаго благоволенія къ нему, чтобы заикнуться не о себѣ, а о другомъ, упадшемъ, несчастномъ».

Литературныя симпатіи Вас. Львовича были въ началѣ его литературной дѣятельности на сторонѣ противниковъ господствовавшаго тогда у насъ ложно-классическаго направленія русской словесности. Поэма его «Опасный сосѣдъ» написана въ духѣ и тонѣ «легкой поэзіи» того времени — «Душеньки» Богдановича, сатирическихъ поэмъ Майкова и друг. Литературныя сочувствія дяди и, кажется, отца (49) опредѣлили и ранніе симпатіи Алекс. Сергѣевича·

Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ,

писалъ о себѣ 17-ти-лѣтній поэтъ Батюшкову:

Во дни рѣзвости златые
Мнѣ дудку подарилъ.
Знакомясь съ нею рано,
Дудилъ я безпрестанно;
Нескладно хоть игралъ
Но музамъ не скучалъ.

Ранняя, дѣтская, шуточная поэма Пушкина l'Escamoteur должна была представлять, какъ можно судить по извѣстному отрывку ея, по формѣ и тону, подражаніе «Елисею» Майкова.

Серьезная, весьма цѣнная сторона этихъ раннихъ симпатій Пушкина къ «легкой» поэзіи его русскихъ предшественниковъ заключалась въ томъ, что въ ней, въ этомъ «низкомъ штилѣ», какъ брезгливо называлась эта полная русской національной жизни и довольно обширная область литературной производительности въ господствовавшей ложно-классической стилистикѣ, хранились и разрабатывались то робко, то смѣло въ теченіе XVIII и начала XIX вѣка лексическіе и поэтическіе матеріалы, доставлявшіеся русской народной рѣчью. «Съ издѣтства напоенный» этой свѣтлой Ипокреной русскаго живого слова А. С. Пушкинъ личной своей поэтической дѣятельностью совершенно освободилъ отъ стѣснительныхъ оковъ односторонней литературной теоріи богатѣйшіе родники русскаго народнаго языка, изъ которыхъ въ послѣдующій затѣмъ собственно-пушкинскій періодъ исторіи нашей словесности хлынули въ литературу неудержимымъ уже потокомъ національные элементы языка и заполонили собой и «высокій» и «посредственный» «штили» ея. Въ виду этого, нельзя не признать самое начало литературной дѣятельности А. С. Пушкина весьма благопріятнымъ для совершенія одного изъ главныхъ подвиговъ его жизни—«обрѣтенія новыхъ звуковъ для пѣсенъ».

Позже Вас. Львовичъ выработалъ въ себѣ просвѣщенное сочувственное отношеніе ко всему лучшему, что давали всякія направленія литературы:

Истинный талантъ люблю и уважаю, писалъ онъ А. С—чу въ 1830 г.

Все, что умно, краснорѣчиво,
Все, что написано съ душой,
Мнѣ нравится, меня плѣняетъ,

писалъ онъ ему же въ 1829 году.

Такою же широтой симпатій ко всему прекрасному въ литературѣ, отсутствіемъ партійности отличался въ своихъ воззрѣніяхъ и критическихъ приговорахъ Алек. Сергѣевичъ, говорившій: «я въ литературѣ скептикъ, и всѣ ея секты мнѣ равны».

Современники и критики произведеній Вас. Львовича единогласно отмѣчаютъ изящество его слога, хорошій литературный вкусъ, развитый вліяніемъ съ одной стороны французскихъ классиковъ, съ другой—среды сподвижниковъ Карамзина. Какъ «Несторъ Арзамаса», какъ «милый и почтенный» «староста» этого «Іерусалима ума и вкуса», Василій Львовичъ возводилъ въ законъ литературной дѣятельности требованіе простоты

естественности рѣчи, изящество ея, обогащеніе литературнаго языка, принципъ свободы творчества, основаннаго на нравственномъ благородствѣ мыслей писателя:

Прямая наша цѣль есть польза, просвѣщенье,
Богатство языка и вкуса очищенье.
Кто мыслитъ правильно, кто мыслитъ благородно,
Тотъ изъясняется пріятно и свободно.

(Сравн. мнѣніе Полонскаго о томъ же въ нашей статьѣ Я. П. Полонскій въ его поэзіи стр. 15).

Славянскія слова таланта не даютъ
И на Парнасъ они поэта не ведутъ.
Я не люблю людей коварныхъ
И гордыхъ, не люблю глупцовъ,
Похвальныхъ словъ, высокопарныхъ
И плоскихъ скаредныхъ стиховъ.

Тѣ же самыя воззрѣнія на качества литературнаго языка и на задачи литературной дѣятельности развиваетъ уже 16-ти—17-ти лѣтній поэтъ-племянникъ въ своихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ наставленій своего «парнасскаго отца»:

Напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ
Я пѣть пустого не умѣю,

писалъ А. Серг. въ 1815 году:

И въ лиру превращать не смѣю
Мое гусиное перо.

Въ стихотвореніи «Желаніе», написанномъ въ 1816 году, Алекс. Серг. пишетъ дядѣ:

Христосъ воскресъ, питомецъ Феба.
Дай Богъ, чтобъ, милостію неба,
Разсудокъ на Руси воскресъ.
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина...

Но...

Да не воскреснутъ отъ забвенья
Всѣ тѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грѣшно.

Въ сказкѣ «Бова» (1815 г.) Пушкинъ выражаетъ намѣреніе писать такъ, чтобы его всѣ поняли «отъ мала до великаго». Въ стихо-

твореніи, написанномъ въ 1815 г. на возвращеніе императора Александра I изъ Парижа, А. С. Пушкинъ мечтаетъ о появленіи въ рус. литературѣ такого поэтическаго произведенія, относящагося къ эпохѣ Отечественной войны, которое

Словами истины, свободными, простыми
Славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ.

Въ «Отвѣтѣ на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны», напис. въ 1819 г., А. Сергѣевичъ говорилъ:

На лиръ скромной благородной
Земныхъ боговъ я не хвалитъ,
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ...
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой
И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

Всѣ эти воззрѣнія на слогъ стали, какъ извѣстно, руководящими принципами всей послѣдующей дѣятельности Алекс. Сергѣевича Пушкина.

Унаслѣдовавъ отъ отца и дяди остроту ума и склонность къ сатирѣ и эпиграммѣ (51), Алекс. Сергѣевичъ одинъ разъ воспользовался сюжетомъ эпиграммы своего дядюшки, изложивъ его болѣе сжато и вслѣдствіе этого болѣе сильно.

Эпиграмма Вас. Львовича такова:

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ)
Послалъ двѣ оды на Парнасъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ розо-желтый облаковъ,
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ—
И милости просилъ у Феба.
Читая, Фебъ зѣвалъ и, наконецъ, спросилъ:
Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ,
И оды громкія давно ли сочиняетъ?
«Ему 15-ть лѣтъ», Эрата отвѣчаетъ.
Пятнадцать только лѣтъ? Не болѣе того?
Такъ розгами его! (1798 г.) (52)

Въ переложеніи А. Сергѣевича тотъ же сюжетъ получилъ несравненно болѣе сильный и эффектный видъ «Эпиграммы на Надеждина» (1829 г.):

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
«Охота есть, да мозгу мало».

«А сколько лѣтъ ему, вопросъ?
Пятнадцать.— «Только-то? Ей, розгу!
За симъ принесъ семинаристъ
Тетрадь латинскихъ диссертацій
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій
Кусая губы, первый листъ,
Отяжелѣвъ какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ.

Мысли о сладости поэтическаго покоя, о пріятности поэтической лѣни, наслажденіе впечатлѣніями деревенской жизни, свободой отъ стѣснительныхъ условій житейской суеты одинаково излагаются какъ въ стихотвореніяхъ Вас. Львовича, такъ и въ раннихъ стихотвореніяхъ Александра Сергѣевича:

Нѣтъ болѣ силъ терпѣть! Куда ни сунься, споры.
И сплетни и обманъ, и глупость и раздоры,

писалъ Вас. Львовичъ въ стихотвореніи «Вечеръ» въ 1798 г.:

О хижина моя, пріятнѣй ты сто разъ
Всѣхъ модныхъ ужиновъ, концертовъ всѣхъ и баловъ,
Гдѣ часто видимъ мы безумцевъ и нахаловъ!
Въ тебѣ насмѣшекъ злыхъ, въ тебѣ злословья нѣтъ:
Въ тебѣ спокойствіе и тишина живетъ;
Въ тебѣ и разумъ мой и духъ всегда свободенъ;
Утѣхи мнѣ дарить свѣтъ модный не способенъ (53).
Души чувствительной отрада, утѣшенье,
Прелестна тишина, покой, уединенье,

писалъ Вас. Львов. въ стихотв. «Суйда» въ 1787 г.:

Желаній всѣхъ моихъ единственный предметъ!
Недолго вами я, къ несчастью, наслаждался,
Природы красотой недолго любовался;
Опять я въ городѣ, опять среди суетъ,
И сердцу радостей, глазамъ пріятства нѣтъ.
И все вокругъ меня мнѣ кажется уныло.

Алекс. Сергѣевичъ писалъ въ 1816 г. въ стихотвореніи «Сонъ»:

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой.
Мнѣ страшенъ свѣтъ, проходитъ вѣкъ мой темный

Въ безвѣстности заглохшею тропой.

. . . . . .

Спѣшите же подъ сельскій тихій кровъ!
Тамъ можно жить и праздно и безпечно —
Тамъ прямо рай, но прочь отъ городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучитъ вѣчно.
Стократъ блаженъ, кто можетъ спомъ забыться
Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ (54).

Впослѣдствіи Алекс. Сергѣевичъ разлюбилъ деревню и полюбилъ шумъ, толпу, городъ, гдѣ больше впечатлѣній. матеріала для «ума холодныхъ наблюденій

И сердца горестныхъ замѣтъ».

Изъ болѣе мелкихъ чертъ сходства воззрѣній и поэтическихъ образовъ дяди и племянника отмѣтимъ слѣд.

Въ стихотвореніи «Что есть любовь» (1808 г.) представляющемъ «переводъ съ французскаго», какъ значится въ примѣчаніи къ нему, Вас. Львов. говорилъ:

Что есть любовь? Отрада.
Что есть любовь? Отчаянье сердецъ,
Блаженство, скука и досада,
И жизни гибель и вѣнецъ (55).

Алекс. Сергѣевичъ въ стихотвор., относящ. къ 1816 г., повторялъ мнѣнія, выраженныя въ этомъ стихотвореніи своего дяди:

Любовь одна веселье жизни хладной!
Любовь одна мученіе сердецъ!
Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный
А горестямъ не видѣнъ и конецъ. (56)

Въ нравоученіи басни «Соловей и Малиновка» (1807) В. Львов. говоритъ.

Въ любви разлука намъ опаснѣе всего. (57)

Туже мысль повторяетъ А. Серг. въ поэмѣ «Кавказскій плѣнникъ»:

Недолго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука.

Выше мы имѣли случаи стяженія Алекс. Сергѣевичемъ стихотвореній дяди; въ слѣдующей параллели мы находимъ, мож. быть, обратное явленіе мысли, довольно вяло и прозаично выраженныя Вас. Львовичемъ въ стихотвореніи «Къ любимцамъ музъ» (1804 г.), представляющемъ

очень свободное подражаніе одамъ Горація «Къ Меценату» и «Къ Цесарю Августу» (Кн. I № 1 и 2)—

Какъ хочетъ пусть Зевесъ вселенной управляетъ!
Онъ рекъ и сотворилъ, подвластно все ему.
Онъ громомъ, молніей играетъ;
Послушны буря, вихрь Зевесу одному.
Любимецъ музъ счастливъ во всѣ премѣны года (58)
Онъ пользуется тѣмъ, что видитъ предъ собой.
Друзья, для насъ природа
И въ ужасахъ своихъ блистаетъ красотой (58)

послужили исходной точной для ряда могучихъ поэтическихъ образовъ А. Серг., изложенныхъ въ слѣд. строфахъ знаменитой пѣсни предсѣдателя въ «Пирѣ во время чумы»

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ
И въ дуновеніи чумы!
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, мож. быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

Существуетъ, наконецъ, вѣроятіе, что Вас. Львовичъ могъ вліять на возникновеніе у Алекс. Сергѣевича симпатій къ народному языку. До сихъ поръ никто изъ біографовъ А. С. Пушкина, задававшихся вопросомъ, откуда въ этомъ «французѣ» будто бы [1]) по воспитанію взялось необыкновенное знаніе родного языка, и рѣшавшихъ его указаніемъ на благотворное вліяніе няни (59), бабушки поэта, и законоучителя поэта, никто, говорю, не обратилъ вниманіе на то, что его «парнасскій отецъ», «сосватавшій его съ музами», его дядя, парнасскій и родной, Василій Львовичъ былъ хорошимъ знатокомъ родного языка, защитникомъ правъ народнаго языка въ литературѣ противъ «раскольниковъ—славянъ» писавшихъ «варварскимъ или «варяжскимъ» слогомъ» и «не правильно».

---

[1]) Оказывается въ дѣйствительности, что А. С. Пушкинъ поступилъ въ лицей со знаніемъ не только франц. яз., которымъ онъ свободно владѣлъ, но и нѣмецкаго и англійскаго. Журн. Мин. Нар. Просв 1899 г. Ноябрь 144, отд. критики

Славянския слова таланта не дають
И на Парнасъ они поэта не ведутъ...
Отечество люблю, языкъ я русскій знаю,
Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю.

Въ числѣ стихотвореній Вас Львовича есть баллада «Людмила и Усладъ», на тему народныхъ сказаній объ измѣнѣ жены, написанная въ 1818 г., въ періодъ созданія А Сергѣевичемъ поэмы «Руланъ и Людмила» (60) Галаховъ сообщаетъ требующее, впрочемъ, подтвержденія преданіе, что Вас. Львовичъ въ бытность свою въ Парижѣ въ 1803 г. для того, чтобы познакомить французскихъ литераторовъ съ русской «древней» поэзіей, перевелъ на франц. языкъ нѣсколько рус. народн. пѣсенъ и свой переводъ помѣстилъ въ одномъ изъ франц. журналовъ (въ Archives littéraires или въ Mercure de France) (61) Благодаря участію и вліянію Вас. Львовича Ал. Сергѣевичъ могъ уже въ отроческіе годы своей жизни сознательно относиться къ впечатлѣніямъ народной поэзіи, къ вліяніямъ народнаго языка, которыя все-таки были сильны въ домѣ Пушкиныхъ, особенно въ тѣхъ частяхъ его, куда не проникали обыкновенные свѣтскіе гости, и гдѣ въ полной мѣрѣ господствовалъ русскій духъ, пахло Русью. Въ дѣтской дома Пушкиныхъ въ Москвѣ царила поэзія религіознаго обряда и народной пѣсни и сказки. Самъ поэтъ, въ которомъ, очевидно, какъ и въ многихъ его современникахъ, французское вліяніе представляло только «насыпь, изъ-подъ которой пробивался неудержимо русскій ключъ» (62), такъ рисовалъ золотое время своего дѣтства:

Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня
И шепотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ и подвигахъ Бовы.
Отъ ужаса не шелохнусь бывало;
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ ни головы.
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины...
Я трепеталъ и тихо, наконецъ,
Томленье сна на очи упадало.
Тогда съ лазурной высоты

На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали,
Въ глуши лѣсной, средь муромскихъ пустыней
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней
И въ вымыслахъ носился юный умъ.

Впрочемъ, и въ гостиной дома Пушкиныхъ, въ періодъ дѣтства поэта, среди лицъ, посѣщавшихъ Сергѣя и Василія Львовичей, французское вліяніе должно было встрѣтиться съ начинавшимся въ московской интеллигенціи протестомъ противъ него, съ романтизмомъ, «симъ парнасскимъ аѳеизмомъ», какъ выражался Алекс. Сергѣевичъ; классики (какъ проф. Мерзляковъ) должны были столкнуться съ піонерами нѣмецкой романтической поэзіи и философіи, каковыми были въ особенности покровители и друзья Пушкиныхъ Тургеневы. Очень близкое, интимное, благотворное участіе Тургеневыхъ, въ особенности «арзамасскаго опекуна» А. И. Тургенева въ жизни Алекс. Серг.—фактъ извѣстный. Менѣе извѣстно вліяніе родного брата его, Ник. Тургенева, на образованіе нѣкоторыхъ свободолюбивыхъ взглядовъ и убѣжденій Ал. Сергѣевича. А оно тоже не подлежитъ сомнѣнью. Извѣстные стихи поэта:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря

—стихи, отражающіе настроеніе правительства и либеральной части русской интеллигенціи извѣстнаго періода царствованія импер. Александра I, въ особенности являются выраженьемъ убѣжденія Н. Тургенева, что «освобожденіе крестьянъ въ Россіи можетъ быть съ успѣхомъ проведено только властью самодержца». (63) Вліяніе на Пушкина идей нѣмецкой художественной литературы эпохи Гете и Шиллера могло затѣмъ поддерживаться «наперсникомъ, пѣстуномъ и хранителемъ» музы поэта, Жуковскимъ, который, въ свою очередь, своими симпатіями къ нѣмецкой поэзіи обязанъ семьѣ Карамзина и Тургенева (64). Въ лицеѣ у Пушкина нашлись товарищи, Дельвигъ и Кюхельбекеръ, знатоки и поклонники нѣмецкой поэзіи; съ ними Алекс. Сергѣев. читалъ нѣмецкихъ поэтовъ, съ ними велъ бесѣды обо всемъ,

Что сердце волнуетъ, что душу томитъ,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви...

Въ арзамасской средѣ были расширены и упрочены въ А. С. Пушкинѣ и симпатіи къ англійской, итальянской и другимъ литературамъ, а равно къ

народной поэзіи. Всѣ эти разнообразныя и разносторонніе, благопріятныя для развитія генія поэта, вліянія—родной семьи, въ общемъ очень культурной, добраго и весьма просвѣщеннаго дяди, Василія Львовича, образованныхъ друзей, связанныхъ обѣтами нравственнаго братства во имя «святой любви», взаимно восполняя одно другое, взаимно уравновѣшивая одно другое въ душѣ юнаго генія, выработали въ Алекс. Сергѣевичѣ отзывчивость на все живое и прекрасное въ поэзіи всѣхъ народовъ, сдѣлали изъ него Протея поэзіи, образовали такъ «скептика» въ литературѣ, которому равны всѣ ея секты и для котораго особенно дороги въ поэзіи истина, простота, добро и красота—всѣ тѣ, словомъ, возвышенные идеалы, которые составляютъ душу всякой литературы, которыми живетъ всякая литература и которые въ ней не должны умирать, какъ справедливо говорилъ покойный Страховъ.

Оканчивая свою рѣчь, Мм. Гг., я позволю себѣ возвратиться къ ея началу. Когда истекало 60-ти-лѣтіе со дня смерти великаго поэта, проф. Александровскаго лицея г. Никольскій высказалъ въ своей рѣчи между проч. слѣдующее: «Гдѣ Пушкинъ могъ почерпнуть... нравственную силу, чтобы обуздать и направить къ истиннымъ и высокимъ цѣлямъ свое бурное дарованіе? Прежде всего не въ семьѣ. Напротивъ, семья дала Пушкину все, что только могло развратить въ корень и сгубить молодую душу» (65). Выступая передъ Вами, Мм. Гг., съ рѣчью въ день 100-лѣтія со дня рожденія величайшаго нашего поэта, я считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ обнаружить рядомъ объективныхъ свидѣтельствъ, полную несправедливость столь жестокаго приговора семьѣ, изъ которой вышелъ «поэтическій мессія» русской литературы и показать съ другой стороны совершенную справедливость слѣдующаго утвержденія польскаго друга Пушкина, поэта Мицкевича, удостовѣряемаго притомъ недавно обнародованными письмами А. И. Тургенева къ кн. Вяземскому: «Недостатки Пушкина, повидимому, зависѣли отъ обстоятельствъ и общества, въ которомъ онъ вращался; но что было въ немъ добраго, то проистекало изъ его собственнаго сердца» т. е. зависѣло отъ его природы и слѣдоват. отъ родной семьи (66). Неблагопріятными обстоятельствами для развитія характера А. С. Пушкина явились во 1-хъ неудовлетворительное положеніе и состояніе школы, въ которой онъ учился и въ которой воспитаніе юношей шло не вполнѣ нормально и во 2-хъ не высокій нравственный уровень того петербургскаго товарищескаго круга, который втянулъ въ себя пылкаго юношу-поэта и увлекъ его въ «оргію шумной жизни». Но начала добра, прочно заложенныя въ душу поэта семьей, вліяніемъ дяди Василія Львовича, московскихъ друзей Пушкиныхъ, впослѣдствіи «ихъ превосходительствъ, безсмертныхъ геніевъ Арзамасскаго общества

благородныхъ людей» спасли поэта. И замѣчательное совпаденіе! Батюшковъ писалъ изъ Москвы 18 сент. 1818 г. патрону поэта, А. И. Тургеневу: «Сверчокъ что дѣлаетъ? Кончилъ ли свою поэму? Не худо бы его запереть въ Геттингенъ и кормить три года молочнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего путнаго не выйдетъ, если онъ самъ не захочетъ, потомство не отличитъ его отъ двухъ однофамильцевъ, если онъ забудетъ, что для поэта и человѣка должно быть потомство... Какъ ни великъ талантъ Сверчка, онъ его промотаетъ, если... Но да спасутъ его музы и молитвы наши!» (66) Приблизительно въ то время, когда Батюшковъ писалъ эти строки, въ душѣ Пушкина, начинавшаго уже томиться и страдать въ тяжелой атмосферѣ петербургской сумятицы чувственныхъ удовольствій, совершался спасительный переломъ (67), выраженный поэтомъ въ извѣстномъ граціозномъ стихотвореніи «Выздоровленіе»:

Художникъ варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.
Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней. (1819 г.).

Примѣчанія и добавленія:

(1) Въ метрической записи Богоявленской ц., что на Елоховѣ въ Москвѣ, день рожденія Пушкина обозначенъ. 1799 г. мая 27. Во дворѣ колл. секр. регистр. Ивана Васильевича Скворцова, у жильца его майора Сергѣя Львовича Пушкина род. сынъ Александръ, крещенъ іюня 8-го («Нов. Время» 1899 г. апр. № 8321).

(2) «Люди (Сергѣй и Василій Львовичи), гов. Анненковъ, страстно искавшіе всю свою жизнь гостиныхъ и эффектныхъ бесѣдъ, перепосившіе удачное бонмо, передъ ними сказанное, изъ дома въ домъ, и, съ своей стороны, сами занятые, для потѣхи другихъ, тѣмъ, что французы называютъ дѣланіемъ ума, faire de l'esprit, такіе люди уже, конечно, не имѣли ни времени, ни возможности устроить свое существованіе на прочныхъ основаніяхъ. Вотъ почему вся жизнь ихъ, проведенная въ бѣготнѣ за высшимъ свѣтомъ и модными формами существованія, въ толкотнѣ между людьми и въ пересудахъ слышаннаго и видѣннаго, оставила ихъ подъ конецъ матеріально и умственно разбитыми и несостоятельными» (Пушкинъ въ Алекс. эпоху стр. 17).

(3) Майковъ, Пушкинъ, біографич. матеріалы Спб.—1899 годъ стр. 73—74.

(4) Анненковъ, Пушкинъ въ Алекс. эпоху гл. III. Въ своемъ «завѣщаніи друзьямъ» (1815 г.) Пушкинъ называетъ Пущина «вѣтренымъ мудрецомъ». Липранди говоритъ, что «благородныя правила Пушкина, его умъ несомнѣнно не сдѣлали-бы его дѣятелямъ» революціоннаго общества. Незеленовъ, А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 130.

(5) Тамъ же, стр. 97.

(6) Тамъ же.

Къ стр. 354, отд. оттиска къ стр. 4, строки 7 и 8 сверху:

Повидимому, это стихотвореніе обращено къ родной сестрѣ поэта, Ольгѣ Сергѣевнѣ, которую онъ въ посланіи 1814 г. также называетъ «подругой весны своей златой» и «другомъ безцѣннымъ», съ которой «онъ отводилъ душу и дѣлился вдохновеніями», передъ которой «онъ ничего не скрывалъ» и которая «въ глазахъ его была идеаломъ жен-

щины теплой, отзывчивой и благородной» (Л. Павлищевъ, Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ М. 1896 г. стр. 2.

(7) Тихонравовъ, Полн. собран. соч. III. I. 448.

(8) Ниже приводимыя данныя относительно идейной стороны Арзамаса приводятъ насъ къ полному несогласію со взглядами Незеленова и Пыпина на значеніе и характеръ этого общества. «Проще, говор. Пыпинъ, это былъ кружокъ людей, которые разъ сошлись довольно случайно, потому что уже вскорѣ дѣйствовали разъединенно, безъ солидарности, приписанной имъ Аннепковымъ, а въ концѣ концовъ идеи Арзамаса не были и такъ широки и благотворны. Если, дѣйствительно, онъ имѣлъ на Пушкина такое вліяніе, то историческая роль «Арзамаса» можетъ возбудить не мало недоумѣній, и не всегда вызоветъ сочувствіе. Практическія приложенія теорій Арзамаса не способствовали развитію инстинктовъ свободы и уваженія къ мысли и наукѣ» (Характеристики литер. мнѣн. стр. 73). Недавно обнародованные новые матеріалы, заключающіеся въ перепискѣ кн. Вяземскаго съ Тургеневымъ, въ Уставѣ Арзамаза проливаютъ много свѣта какъ на возникновеніе этого общества, такъ и на характеръ идей и идеаловъ, вдохновлявшихъ его членовъ. Теперь можно съ полной увѣренностью говорить, что Арзамасъ вовсе не былъ «кружкомъ людей, сошедшихся случайно», что, при видимой внѣшней разобщенности, членовъ Арзамаса соединяло единство извѣстныхъ моральныхъ и литературныхъ принциповъ, что члены Арзамаса питали полнѣйшее уваженіе къ наукѣ и мысли, а любовь къ законной свободѣ такихъ членовъ Арзамаса, какъ кн. Вяземскій, выражалась не въ мечтательномъ лишь влеченіи къ ней, а въ очень осязательной практической дѣятельности. Извѣстно, что кн. Вяземскому принадлежитъ русская редакція въ составленіи «Государственной уставной грамоты Россійской Имперіи, составл. Новосильцевымъ при участіи франц. юриста Дешана. Шильдеръ, Алекс. I, Прилож. къ IV т. Остаф. т. I стр. 488. Н. Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому отъ 22 мая 1818 г.; «нѣкоторыя либеральныя идеи, которыя у васъ (въ Варшавѣ) переводятъ *законно-свободными*, а здѣсь можно покуда назвать арзамасскими. Остаф. арх. I. стр. 102. Въ предполагавшемся членами Арзамаса журналѣ имѣлись въ виду въ отдѣлѣ внутренней политики «наряду съ образцами общественнаго мнѣнія» помѣщать «статьи, касавшіяся распространенія идей свободы, приличныхъ Россіи въ ея теперешнемъ положеніи, согласно со степенью ея образованія, не разрушающихъ настоящаго, но могущихъ приготовить лучшее будущее. Отчетъ Импер. Публ. Библ. за 1887 г. Бумаги Жуковскаго 159—160 прилож. 87. Князь Вяземскій въ письмѣ изъ Варшавы къ Тургеневу отъ 1 марта 1819 г. называетъ арзамасцевъ «шайкой независимыхъ» Остаф. Арх. I, 198.

Сердечное и умственное единение связывало арзамасцевъ, разъѣхавшихся изъ Петербурга по разнымъ мѣстамъ: «Я привыкъ къ Вашему труду, писалъ кн. Вяземскій Тургеневу изъ Варшавы 3 апр. 1816 г., и безпрестанно тоскую по васъ. Намъ непремѣнно нужно собраться» «Остаф. арх. I, 40. А вотъ что писалъ Пушкинъ изъ Кишинева въ 1821 г. Тургеневымъ въ Петербургъ: «Въ лѣто пятое отъ Липецкаго потопа (арзамасскія похороны комедіи Шаховскаго Липецкія воды въ 1816 г.) превосходительный Раекъ (Н. Н. Раевскій) и превосходительный Сверчокъ (арзамасское прозвище Пушкина) на лужицѣ города Кишинева, именуемой Быкомъ, сидѣли и плакали, вспоминая тебя, Арзамасъ, Іерусалимъ ума и вкуса... Живо представились имъ ваши отсутствующія превосходительства, и въ полнотѣ сердца своего они положили увѣдомить о себѣ членовъ православнаго братства, украшающихъ берега Мойки и Фонтанки» (Соч. П. изд. общ пос. литер. VII, 23).

О серьезности интересовъ арзамасцевъ свидѣтельствуетъ отзывъ о нихъ Карамзина въ письмѣ къ женѣ отъ 28 февраля 1816 г. «Здѣсь (въ Петербургѣ) изъ мужчинъ всѣхъ любезнѣе для меня арзамасцы: вотъ истинная русская академія, составленная изъ молодыхъ людей умныхъ и съ талантомъ (Неиздан. сочин. и перев. стр. 160 Ост. арх. I, примѣч. 423)... «Какъ ни скученъ Петербургъ, писалъ Батюшковъ кн. Вяземскому въ 1818 г., но гдѣ живутъ Карамзины, Салтыковъ, Уваровъ, Тургеневъ, Сѣверинъ,—можно найти веселыя минуты и отдохнуть умомъ и сердцемъ» (Сочин. изд. 5 общедост. 546). Кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу изъ Варшавы 15 ноября 1818 г: «Мнѣ здѣсь нехорошо. Здѣсь нѣтъ хлѣба, то-есть, счастія, то-есть, васъ, людей и привычекъ моего сердца. Нѣтъ и пирожковъ, то-есть, лакомства жизни, сладострастія ума.., Здѣсь совершенный голодъ въ общежитныхъ припасахъ. Успѣхи ума, художества—все это не здѣшнихъ полей ягоды. Нечего смотрѣть, нечему учиться»... Остаф. арх. I, 148.

(9) Рус. Старина 1899 г. май.

(10) Напечатанъ Тихонравовымъ въ 1891 г. Сочин. Тихонр. III. ч. I стр. 431 и примѣч. 68.

(11) Замѣчательное свидѣтельство объ этомъ А. И. Тургенева (въ Сочин. Тихонр. т. III стр. 433) объясняетъ, почему Пушкинъ называлъ Гете «нашимъ германскимъ патріархомъ» (т. VII, стр. 202). Кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу 22 марта 1815 г. «Желаніе мое и самъ разсудокъ манитъ меня въ Германію ко двору Веймарскому, или тому, гдѣ будетъ царствовать великая княгиня. Тамъ сверхъ службы будутъ мнѣ средства заняться и учиться, чего мнѣ весьма хочется» Остаф. арх. I, 26. Вліяніе «Веймарской аоинской академіи» на русскую культурную жизнь

нач. XIX в. выражалось не только въ живомъ и осязательномъ воздѣйствіи на область идей и формъ русской литературы романтическаго направленія, но и въ другихъ фактахъ. Извѣстно напр. участіе Гете и Шиллера въ назначеніи Шада проф. философіи въ ново-открывшійся Харьковскій университетъ и въ дальнѣйшей злополучной судьбѣ этого выдающагося послѣдователя Шеллинга (см. проф. Багалѣй, «Удаленіе проф. Шада изъ Харьковскаго университета»). Арзамасцы, начиная съ Карамзина, совершаютъ паломничества въ Веймаръ на поклоненіе Гете. «Должно терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и особенно настойчивостью, писалъ Пушкинъ Плетневу 1 іюля 1828 г., оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гете» (т. VII стр. 202, изд. литер. фонда). Весьма характернымъ въ этомъ отношеніи является извѣстное преданіе о подаркѣ Гете Пушкину своего пера.

(12) Тихоправовъ, Сочин. III, 432.

(13) В. Л. Пушкинъ, повидимому, видную роль игралъ въ средѣ будущихъ арзамасцевъ еще въ Москвѣ: кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу изъ Вологды 12 окт. 1812 г. по поводу сдачи Москвы французамъ: «Давно ли бесѣдовали мы съ тобою на Кисловкѣ, глазѣли на красоту и пышность въ стѣнахъ благор. собранія, ѣздили на Басманную наслаждаться сладостнымъ удовольствіемъ быть съ умнымъ и добрымъ человѣкомъ (Остаф. арх. т. I. стр. 4), т. е. съ Вас. Львович. Пушкинымъ (ibid. стр. 387). Вѣроятно, въ связи съ этимъ, а равно съ горячимъ участіемъ, какое принималъ Вас. Львов. въ литературной борьбѣ за новый слогъ съ противниками Карамзина, стояло избраніе его старостой Арзамаса, а не въ видѣ насмѣшки надъ нимъ, какъ склоненъ думать г. Саитовъ.

(14). **Къ вопросу о возникновеніи Арзамаса.** Московскія земляческія симпатіи и морально-литературныя связи, несомнѣнно, имѣли мѣсто среди арзамасцевъ: кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу изъ Москвы въ апр.—маѣ 1814 г. «мы здѣсь, мы, то—есть, нѣкоторые, хотимъ дать праздникъ, чтобы торжествовать великую месть (взятіе Парижа). Какъ прежній житель Москвы, не хочешь ли быть сочленомъ нашимъ?... Если еще найдутся вѣрные и честные братія, то милости просимъ»... Остаф. Арх. I, 21. Вскорѣ по своемъ переселеніи въ Петербургъ члены Московскаго дружескаго общества, или карамзинисты, заняли боевую позицію по отношенію къ членамъ Бесѣды. Это сказалось въ рѣчи Дашкова, произнесенной въ Общ. любителей словесности 14 марта 1812 года, по поводу избранія въ члены его гр. Хвостова, «наполненной похвалами, заключавшими въ себѣ сплошную и ядовитую насмѣшку надъ литературной дѣятельностью Хвостова» (напечат. въ Рус. Стар.

1884 года т. 43, стр. 105—113 Тихоправовымъ). На сторонѣ Дашкова были члены Московск. общ. 1801 г.—Блудовъ, Батюшковъ, Тургеневы и др. Ал. Ив. Тургеневъ письмомъ отъ 18 марта 1812 г. изъ Петербурга приглашалъ и кн. Вяземскаго въ дѣятельные союзники къ себѣ: «И Блудовъ и Батюшковъ хотятъ пригласить тебя въ сотрудники для преподаванія курса дурной словесности» (Остаф. Ар. I, стр. 2). Курсъ дурной словесности—собраніе сочин. и перевод., изд. Обществ. любителей отеч. слов. въ Спб. въ 1815—1817 г., но подготовлявшееся къ изданію съ 1809 г. (Арх. кн. Вяземскаго т. I, стр. 388). Кн. Вяземскій, благодаря Тургенева за приглашеніе, въ письмѣ своемъ къ нему отъ 26 окт. 1813 г. впервые, кажется, подалъ мысль объ организаціи въ Петербургѣ Общества, въ которомъ соединились бы снова члены Московскаго «Союза любви»: «Пишетъ ли тебѣ шведъ—Блудовъ, который, говорятъ, скучаетъ, какъ нѣмецъ. Поклонись ему отъ меня: я его душевно люблю и душевно желаю, чтобы онъ скорѣе вернулся въ Петербургъ. *Зачѣмъ нашей братіи скитаться, какъ жидамъ?* И отчего дуракамъ можно жить вмѣстѣ? Посмотри на членовъ Бесѣды: какъ лошади, всегда всѣ въ одной конюшнѣ, и если оставятъ конюшню, такъ цугомъ или четверкою заложены вмѣстѣ. По чести мнѣ завидно, на нихъ глядя и я, какъ оселъ, завидую этимъ лошадямъ. Когда заживемъ и мы по-братски: и душа въ душу и рука въ руку? Я вздыхаю и тоскую по будущему. Увижу ли я его и увижу ли, какъ желаю. А то иное будущее и настоящаго хуже. Дѣло не въ томъ, чтобы зажить иначе, но чтобы зажить радостнѣе. Остаф. Арх. I, 19.

Мечта кн. Вяземскаго о соединеніи московскихъ друзей на поприщѣ борьбы съ бесѣдистами нашла себѣ осуществленіе послѣ новой схватки карамзинистовъ съ шишковистами изъ-за Жуковскаго, осмѣяннаго кн. Шаховскимъ въ комедіи «Липецкія воды или урокъ кокеткамъ» (23 сент. 1815 г.) въ лицѣ балладника Фіалкина. Отвѣтомъ Шаховскому служило передѣланное съ французскаго Prèface de la commedie de philosophes ou la Vision de Charles Palissot аббата Морелле «Видѣніе въ въ Арзамасскомъ трактирѣ» Блудова, первонач. «Видѣніе въ какой-то оградѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей». Употребленное въ этомъ памфлетѣ Блудовымъ въ качествѣ поэтическаго образа слово «Арзамасъ» было принято единомышленниками автора Видѣнія, какъ названіе для своего литературнаго общества, организація котораго подготовлялась исподоволь. Понятно, почему извѣстіе о возникновеніи Арзамаса въ Петербургѣ было встрѣчено въ восторгомъ въ Москвѣ, въ средѣ московскихъ друзей петербургскихъ арзамасцевъ. Понятно также, почему князь Вяземскій называетъ это московское землячество на берегахъ Невы «но-

вымъ Арзамасомъ»: «Дай Богъ новому Арзамазу процвѣтать болѣе и болѣе и родить чаще такихъ дитятокъ (какъ «Видѣніе») и тогда—горе новому Вавилону! Онъ будетъ срытъ до основанія, и мы воскликнемъ:

Упалъ сей градъ—
Гроза и трепетъ для разсудка!

Сейчасъ везу «Видѣніе» къ Василію Пушкину, который пламенѣетъ сразиться съ нечестивцами. Ив. Петровичъ совѣтуетъ ему поспѣшить съѣздить въ Петербургъ, чтобы сдѣлать эту компанію противъ Шутовскаго. Ради Бога, присылайте все, что будетъ выходить въ Арзамасѣ:

... Мы здѣсь, въ древнемъ Іерусалимѣ, только и живемъ вами» (Остаф. Арх. I, 32—33).

Я не могу согласиться съ г. Сантовымъ въ объясненіи имъ выраженія «новый Арзамасъ», ставшаго обычнымъ въ устахъ арзамасцевъ (такъ его называетъ и Жуковскій Рус. Арх. 1895 г. кн. III, 24). «пьеса Блудова, говор. онъ (примѣч. къ Остаф. арх. I стр. 408—409) и послужила внѣшнимъ поводомъ къ основанію арзамасскаго общества, членами котораго сдѣлались какъ прежніе бойцы за «новый слогъ», такъ и болѣе молодые писатели, воспитавшіеся подъ вліяніемъ литературнаго направленія, даннаго Карамзинымъ. Съ прекращеніемъ полемики между шишковистами и карамзинистами, послѣдніе, очевидно, должны были примкнуть къ арзамасцамъ, которые являлись продолжателями ихъ же излюбленнаго дѣла—борьбы съ обскурантизмомъ, гнѣздившимся въ стѣнахъ Россійской академіи и доживавшей свои послѣдніе годы Бесѣды любителей рус. слова. Так. образ. между старшими и младшими членами Арзамаса существовала тѣсная преемственная связь, и Жуковскій былъ правъ, когда называлъ общество, основанное Блудовымъ (?), новымъ Арзамасомъ, давая этимъ понять, что Арзамасъ существовалъ и раньше, но только не носилъ этого прозвища. Очевидно, и князь Вяземскій въ такомъ же смыслѣ называлъ Арзамасъ новымъ» (Остаф. арх. 409). Общеніе старшихъ (Карамзинъ и В. Пушкинъ) и младшихъ членовъ Арзамаса происходило не только на почвѣ борьбы за новый слогъ и противъ обскурантизма, но и на основаніяхъ единства культурныхъ вліяній, исходившихъ изъ московскаго просвѣтительнаго источника и тождества моральныхъ принциповъ, усвоенныхъ ими въ московск. святомъ союзѣ любви. И мнѣ кажется, что какъ кн. Вяземскій, такъ и Жуковскій называли Арзамасъ «новымъ» именно по отношенію къ этому московскому нравственному братству, университетскому тугендбунду, основ. въ 1801 году. Еще яснѣе объ этомъ говор. кн. Вяземскій въ Полн. Собр. соч. т. VII стр. 411—412: «Мы были уже арзамасцами между собою,

когда Арзамаса еще и не было. *Арзамасское общество служило только оболочкой нашего нравственнаго братства.*

Мы видѣли, что арзамасцы, т. е. петербургская т. сказ. фракція московскаго святого союза любви, птенцы гнѣзда И. П. Тургенева, находились подъ живымъ воздѣйствіемъ нѣмецкой литературы періода Sturm und Drang, въ живыхъ сношеніяхъ съ германскими дѣятелями этого направленія (Ленцъ, Клингеръ), съ самымъ центромъ тогдашняго литературнаго движенія въ Германіи, съ Веймаромъ, или, какъ называлъ Веймарское литературное общество Тургеневъ, «Веймарской академіей». Естественно было нашей литературной молодежи, ополчившейся противъ литературной рутины, позаимствовать изъ преданій о литературной молодежи германскаго Sturm und Drang'а нѣкоторые впѣшніе пріемы полемики и борьбы. Борьба съ Бесѣдой напомнила арзамасцамъ аналогичную борьбу литературныхъ партій въ Германіи въ періодъ Sturm und Drang'а Симпатіи молодежи были, разумѣется, на сторонѣ представителей Sturm und Drang'а на сторонѣ «бурныхъ геніевъ» Kraftgenien. Отсюда прежде всего присвоеніе членами Арзамаса самимъ себѣ названія «геніевъ»: «По арзамасской табели о рангахъ всякій членъ общества носилъ титулъ «Его Превосходительство геній Арзамаса» (Остаф. арх. I, 619). Отсюда и стремленіе подражать бурнымъ геніямъ въ средствахъ борьбы: шутливый и сатирическій характеръ засѣданій Арзамаса, безшабашныя, веселыя шутки, глумленье не только надъ своими литературными противниками, но и надъ сочленами.

Такое же поведеніе отличало кружокъ страсбургскихъ геніевъ: «склонность къ нелѣпымъ выходкамъ, гов. Гете, проявляющаяся съ особенной силой въ молодости, но не покидающая людей и въ старости, процвѣтала у насъ вполнѣ. Въ честь нашего великаго учителя (Шекспира) нерѣдко сочиняли мы и оригинальныя шутки въ стихахъ. Тотъ, кому удавалось развлечь и насмѣшить общество чѣмъ-либо подобнымъ, считалъ свой поступокъ чуть не подвигомъ (П. собр. соч. Гете т. 8 стр. 311). Въ примѣръ шутокъ, сочинявшихся въ кружкахъ этихъ «геніевъ», Гете приводитъ эпиграмму на нѣкоего ротмистра. Подобными пустяками, гов. онъ, занимались мы совершенно серьезно, причемъ спорили о томъ, достойны ли такія стихотворенія быть приписаны клоунамъ, точно ли проистекали они изъ настоящаго дурачества, или не попала въ нихъ какимъ-нибудь непозволит. образ. искра здраваго смысла (311).

Кружокъ страсбургскихъ и франкфуртскихъ «дикихъ геніевъ» (1770-1772 г.) былъ, подобно нашему Арзамасу, «скорѣе группой пріятелей и друзей, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ находились другъ съ другомъ въ частыхъ сношеніяхъ и проникнуты были однородными тенден-

ціями» (Шаховъ, Гете и его время 36). Они преклонялись передъ Руссо, боготворили Шекспира и Оссіана, «поставивъ себѣ за образецъ природу, цѣнили только правду и искренность чувства и безъискусственное ихъ выраженіе» (Гете, Поэз. и правда; П. с. соч. въ перев. рус. пис. VIII, стр. 302). Они стояли за національныя права нѣмецкаго языка и не очень цѣнили франц. литературу, упрекая французовъ въ недостаткѣ вкуса. Тѣже принципы и взгляды отличали и нашихъ арзамасцевъ. Извѣстны упреки Батюшкова (Соч. изд. 5 общедоступн. стр. 453) и Пушкина по адресу франц. писателей и мнѣніе послѣдняго о вредномъ вліяніи франц. литер. на русскую (V стр. 252).

Аналогичны и слѣдствія существованія какъ нашего Арзамаса, такъ и кружка франкфуртскихъ и страсбургскихъ геніевъ «Взаимное, доходившее до страстности увлеченіе (литературной дѣятельностью) имѣло самыя благотворныя послѣдствія, и среди этой сумятицы мыслей и чувствъ, среди этой жизни и непрерывнаго движенья, среди этого постояннаго обмѣна впечатлѣній, совершавшагося въ кружкѣ горячей молодежи самыхъ разнообразныхъ характеровъ, на полной свободѣ, безъ малѣйшаго признака какой-либо предвзятой теоріи, возникла та знаменитая, прославленная одними и чуть не проклятая другими литературная эпоха, въ которой заявила себя такъ быстро и свойственно своему возрасту масса геніальныхъ молодыхъ людей, совершивъ соединенными силами много хорошаго, и излишнимъ увлеченіемъ надѣлавъ много дурного и много вреда» (Соч. Гете, VIII, стр. 326).

Любопытно, что въ совершенно аналогичныхъ нашему Арзамазу и обществу нѣмецкихъ Kraftgenien смѣхотворныхъ формахъ проявлялась дѣятельность польскихъ романтиковъ, извѣстныхъ шубравцевъ, филаретовъ и филоматовъ, выдвинувшихъ изъ своей среды Мицкевича. Вліяніе Арзамаса на возникновеніе въ Вильнѣ кружка шубравцевъ, предполагавшееся ранѣе (Спасов. Истор. польск. литер. въ кн. Пыпинъ и Спасов. Истор. слав. литер.), находитъ теперь подтвержденіе въ письмахъ кн. Вяземскаго. Уѣзжая въ Варшаву, въ коммиссію Новосильцева, Вяземскій мечталъ создать и тамъ Арзамасъ, введя въ его кругъ представителей польской интеллигенціи: «Василій Львовичъ ѣдетъ въ Варшаву, писалъ кн. Вяземскій А. И. Тургеневу 5 сент. 1817 г. Мы и тамъ устроили Арзамасъ, а бургмистромъ будетъ Фердинандъ Ошмянецъ» (Остаф. арх. кн. Вяземскаго I, стр. 85—86)

Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу изъ Варшавы отъ 30 дек. 1818 г. кн. Вяземскій, повидимому, радостно привѣтствуетъ польскій литературный Sturm und Drang-periode, начавшійся въ Литвѣ и вознесшій Мицкевича: «Варшавское мое положеніе не по мнѣ. Весною, кажется, однако

же откроется для меня любопытный кругъ дѣйствія, или, по крайней мѣрѣ, наблюденій· на словахъ эту тайну растолкую. Ты, можетъ быть, что-нибудь услышишь о Литвѣ: тутъ будетъ и макъ' Остаф. арх. I, 183. Въ этомъ письмѣ очевидный намекъ на общества шубравцевъ (проказниковъ), филаретовъ и филоматовъ, возникшія въ Вильнѣ въ 1817 г. и существовавшія по 1822-23 (Пыпинъ и Спасов. Истор. слав. литер. II, стр. 632-634).

На полемикѣ по поводу «Липецкихъ водъ» Шаховскаго выразилась очень ярко вражда двухъ обществъ, двухъ партій, двухъ направленій рус. литературы и общественной жизни. Очень хорошо рисуютъ обостренность отношеній этихъ русскихъ литературныхъ и общественныхъ партій слѣд два сатирич. произведенія, изъ которыхъ одно принадлежитъ кн. Горчакову, бесѣднику, а другое-гр. Уварову, слывшему въ Арзамасѣ подъ прозвищемъ «Старушки:»

Къ словесности мы нашей обратимся, пишетъ кн. Горчаковъ въ сатирическомъ посланіи къ кн. С. Н. Долгорукову:

Произведеніями ея не восхитимся:
Въ ней модныхъ авторовъ французско-русскій ликъ
Стремится искажать отеческій языкъ.
Одинъ въ ней слѣдуетъ жеманну Дюпати;
Другой съ собачкою вступаетъ въ симпати,
Тамъ воздыхающій, плаксивый мирлифлоръ [1])
Гордится, выпустя сантиментальный вздоръ;
Тотъ безъ просодіи стихами пѣсни пишетъ,
Иной наивностью въ развратной сказкѣ дышитъ,
А сей, вообразя, что онъ россійскій Стернъ,
Жемчужну льетъ слезу на шелковистый дернъ—
Привѣствуетъ луну и входитъ въ восхищенье,
Курсивомъ прописавъ змѣѣ свое прощенье.
Всѣмъ хочется писать, великъ иль малъ ихъ даръ,
Повсюду авторства въ сердцахъ затмился жаръ;
Исполнить торопясь писательски желанья,
Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья,
И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной...
... Часъ мрака наступилъ; сокрылись игры, смѣхи;
Совсѣмъ лишились мы знакомства милыхъ музъ;
И если съ кѣмъ еще хранятъ онѣ союзъ,
То ревомъ буйныя ватаги отстранены
Въ бесѣдахъ дружныхъ лишь возносятъ гласъ смиренный,

[1]) Франц Mirliflore—щеголь, франтикъ

Межъ тѣмъ какъ дерзкаго невѣжства мутный илъ
Со всѣхъ сторонъ Парнасъ безстыдно наводнилъ...

Съ другой враждующей стороны вотъ что говорилось, между проч., въ 1817 г. въ донесеніи въ Арзамасъ отъ С. С. Уварова. «Гуси, гуси!... Царство литературы почти въ вашихъ рукахъ. Давно уже не стало бумажныхъ троновъ... карликовъ Бесѣды и Академіи, ихъ свинцовыхъ скипетровъ, ихъ минутныхъ коронъ.

... Похвально было согнать съ Парнаса нестерпимую толпу лже-геніевъ... Но должны-ли вы довольствоваться сими жалкими трофеями... Отъ васъ я ожидаю болѣе, я ожидаю возобновленія отечественной литературы; я ожидаю торжества разума и вкуса. Спасайте ихъ, какъ нѣкогда ваши предки спасали Капитолій. нынѣ не одинъ Брennъ имъ угрожаетъ; полчища уродливыхъ бренновъ съ гасильниками въ рукахъ стремятся погасить ту бѣдную искру человѣчества и разсудка, которую я поручилъ въ ваше попеченіе. *Хамы овладѣли и Парнасомъ и* Губернск. правленіемъ... Пора.. пробить ихъ густое жилище... (Рус. Стар. 1899 г. май 340). Неотложная нужда литературной реформы, ея настоятельность, еще раньше чувствовалась арзамасцами, равнымъ образомъ, сознавалась необходимость въ такомъ литературномъ дѣятелѣ, который бы обновилъ какъ содержаніе, такъ и формы литературы, въ настоящемъ поэтѣ, въ поэтическомъ мессіи. Особенно хорошо выражены эти чаянья пришествія литературнаго мессіи въ слѣд. послапіи одного изъ пророковъ новаго направленія, В. А. Жуковскаго, къ Воеикову:

О Воейковъ, видно намъ
Помышлять объ исправленіи.
Если вѣрить должно снамъ,
Скоро пипдопреставленье,
Скоро должно наступить.
Скоро, предлетящимъ громамъ,
Аполлонъ придетъ судить
По стихамъ, а не по томамъ. Жук. I, 465.

Полно медлить! Наступаетъ
Аполлоновъ страшный судъ;
Дни послѣдпіе Парпаса;
Насъ богини мщенья ждутъ;
Полпо мучить намъ Пегаса. Ibid. 448.

Аполлоновъ страшный судъ не только для ложно-классическаго, но и для всѣхъ другихъ узкихъ и крайнихъ направленій русской литературы и наступилъ съ пришествіемъ «поэтическаго мессіи», какъ мѣтко

назвалъ Полонскій Пушкина, съ появленіемъ въ «буйной ватагѣ» арзамасцевъ человѣка, въ которомъ былъ сосредоточенъ богатѣйшій запасъ творческихъ силъ, заключавшійся въ рѣдкой способности производить правильно и вѣрно наблюденія надъ дѣйствительной жизнью, и выражать свои мысли и наблюденія въ формѣ словесныхъ образовъ точныхъ, простыхъ, ясныхъ, чрезвычайно красивыхъ и мощно-сильныхъ. Въ образѣ Пушкина явился на Русь именно такой геній, въ которомъ нуждалась русская умственная жизнь послѣ Петра Великаго, какъ генія государственнаго, и Ломоносова, какъ генія научнаго, необходимость котораго чувствовалась русскими мыслящими людьми, появленія котораго ожидали, черты котораго угадывали; напр. Батюшковъ въ статьѣ—«Нѣчто о поэтѣ и поэзіи» (Соч. Бат. изд. 5 общедоступн. стр. 262 и др.).

Въ лицѣ Пушкина явился на Божій свѣтъ поэтъ по натурѣ, поэтъ въ строгомъ психологич. смыслѣ этого слова. Поэзія, т. е. способность мыслить образами обнимала всѣ наблюденія, всѣ усилія его мысли, всѣ впечатлѣнія его жизни. Никто изъ предшественниковъ Пушкина не обладалъ въ такой мѣрѣ существенной особенностью поэтической формы мышленія—выражать мысли, чувства и ощущенія въ словесныхъ образахъ; ни въ комъ она не проявлялась съ такой естественной, неудержимой силой, граничившей съ непроизвольностью или съ тѣмъ, что древнееврейскіе пророки называли наитіемъ божества, такимъ психологич. состояніемъ, когда человѣкъ чувствуетъ себя, по библейскому выраженію, «тростью книжника скорописца». Самъ Пушкинъ такъ описывалъ психологическое состояніе, испытывавшееся имъ въ моменты творчества: Подъ темнымъ кровомъ уединенья яркія видѣнья

Съ неизъяснимою красой
Вились, летали надо мной
Въ часы ночного вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава.
Въ ней грезы чудныя рождались;

Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риомой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря шумъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Этому то необыкновенному человѣку, въ обычное время своей жизни «межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣйшему», и суждено было произвести коренную реформу въ содержаніи и формѣ русской литературы XIX в., стать «парнасскимъ аоепстомъ» русской литературы ложно-классическаго и сентиментально-романтическаго ея направленій, заложить прочныя основы для національнаго ея развитія въ XIX в., лечь краеугольнымъ камнемъ для могущественнаго зданія русской художественной литературы времени Александра II—Освободителя или, по народному выраженію, Милосердаго. Въ приведенномъ выше донесеніи «Старушки» члены Арзамаса приглашались къ болѣе прочной организаціи ихъ нравственнаго братства и къ расширенію программы ихъ дѣятельности, соотвѣтственно новымъ, измѣнившимся условіямъ русской общественной жизни. Былъ составленъ проектъ законовъ Арзамаса Жуковскимъ и Блудовымъ (Бумаги Жуковск. стр. 159—160. Остаф. арх. I, стр. 447).

При сличеніи этого проекта съ «законами» «Дружескаго литературнаго общества», основ. въ Москвѣ въ 1801 г., оказывается полное согласіе между ними въ существ. пунктахъ. Да это и понятно: Жуковскій былъ членомъ какъ того, такъ и другого; онъ же былъ и авторомъ проекта законовъ Арзамаса.

Цѣль Арзамаса по проекту Жуковскаго—Блудова, формулировавшему, очевидно, то, что существовало въ Арзамасѣ т. с. de fasto, двоякая: польза отечества, состоящая въ образованіи общаго мнѣнія, то есть въ распространеніи познаній изящной словесности и вообще понятій ясныхъ и правильныхъ; польза самыхъ членовъ, состоящая въ трудѣ постоянномъ» (Кирпичниковъ, Нов. матер. для исторіи Арзамаса. Рус. Стар. 1899 г. май).

По отношенію «къ публикѣ» проектъ предлагалъ установить слѣд. обязанности Арзамаса.

а) наблюдать политическое и нравственное состояніе Россіи и прочихъ государствъ;

b) наблюдать состояніе, ходъ, успѣхи и измѣненіе наукъ, искусствъ и словесности какъ отечественной, такъ и чужеземной;

c) сообщать публикѣ плоды сихъ наблюденій и въ особенности посредствомъ постояннаго періодическаго изданія;

d) поощрять возникающіе таланты по усмотрѣнію общества и по мѣрѣ средствъ онаго.

«Законы Дружескаго литературнаго общества» устанавливали слѣд. положенія для его членовъ (Соч. Тихонр. III, стр. 430 и слѣд.): Цѣль общества: «образовать въ себѣ безцѣнный талантъ трогать и убѣждать словесностію: да будетъ сіе образованіе, въ честь и славу Добродѣтели и Истины, цѣлію всѣхъ нашихъ упражненій». Предметъ упражненій общества—очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія обо всемъ, что изящно, что превосходно». Для лучшаго успѣха въ такихъ упражненіяхъ надобно 1) особенно заняться теоріей изящныхъ искусствъ; она покажетъ намъ маштабъ всего изящнаго и будетъ служить Аріаднининою нитью въ лабиринтѣ юродствующаго воображенія; 2) разбирать критически переводы и сочиненія на нашемъ языкѣ; 3) можно иногда прочитывать какія-нибудь полезныя книги и объ нихъ давать свой судъ; 4) наконецъ, трудиться надъ собственными своими произведеніями, обрабатывая ихъ со всевозможнымъ рачепіемъ. Въ выборѣ членовъ должно смотрѣть не только на то, готовъ ли онъ содѣйствовать къ предложенной цѣли, но особенно на его нравственный характеръ. По прочтеніи піэсы который-нибудь изъ членовъ можетъ взять ее на критику и на опроверженіе. Критика касается до плана пьесы, до словъ, выраженій, оборотовъ, въ прозѣ до гладкости, ясности и пріятности стиля, въ стихахъ до мѣры стиховъ, риѳмъ, гармоніи. Опроверженіе же касается до мыслей автора». Въ сущности тѣ же обязанности и Арзамаса къ его членамъ. «Въ отношеніи къ членамъ обязанность Арзамаса состоитъ въ разсмотрѣніи сочиненій ихъ, какъ представляемыхъ для арзамасскаго журнала, такъ и сообщаемыхъ въ намѣреніи воспользоваться совѣтами общества. Нѣтъ нужды говорить, что при такомъ разсмотрѣніи Арзамасъ изъясняетъ свое мнѣніе съ совершенною свободою и что его единственное правило есть чистосердечіе и любезная строгость дружества».

Перечитывая переписку членовъ моск. дружескаго общества, ставшихъ потомъ или, правильнѣе, назвавшихся послѣ арзамасцами—Жуковскаго, Батюшкова, кн. Вяземскаго, стихотворныя посланія ихъ къ своимъ сочленамъ, приходится убѣждаться во-очію, что проекты законовъ не оставались на бумагѣ, а осуществлялись съ полнѣйшей добросовѣстностью на дѣлѣ. Изъ этой переписки, имѣющей огромное историко-литературное значеніе, выясняется вся жизненность, все значеніе Арзамаса

для рус. литературы и въ тоже время обнаруживается, что онъ былъ не случайнымъ явленіемъ, мимолетной шуткой литературно-общественнаго характера, и не возведеньемъ въ принципъ и помпу «навязыванья бумажки на зюзюшкинъ хвостъ», какъ думалъ Писаревъ, въ чемъ съ нимъ отчасти соглашался и покойный Незеленовъ, (А. С. Пушкинъ стр. 47), а весьма крупнымъ историко-литературнымъ событіемъ въ цѣлой цѣпи другихъ фактовъ, предшествовавшихъ Пушкину и въ знач. степени обусловившихъ проявленіе генія этого поэта во всей его мощи и разнообразіи. Пушкинъ, несомнѣнно, прежде чѣмъ стать эхомъ русскаго народа, былъ эхомъ кружка русской интеллигенціи, сгруппировавшемся подъ знаменемъ Арзамаса.

Задача благотворительности, унаслѣдованная московскимъ Дружескимъ литературнымъ обществомъ, отъ Дружескаго общества, основан. Новиковымъ и Шварцемъ, въ Арзамасѣ съуживалась до предѣловъ, полагаемыхъ цѣлями и задачами чисто-литературными.

По сравненію съ программой Друж. литературн. общества Арзамасъ предполагалъ расширить свою программу основаніемъ журнала и отдѣломъ политическимъ. Основать журналъ удалось Пушкину лишь въ концѣ его жизни. Предложенный Н. Тургеневымъ проектъ введенія политической программы въ дѣятельность Арзамаса вызвалъ протестъ со стороны прочихъ его членовъ, разномысліе, а очевидность результатовъ полной побѣды надъ бесѣдистами и разъѣздъ изъ Петербурга нѣкоторыхъ видныхъ членовъ Арзамаса повлекли за собой т. с. оффиціальное закрытіе его, но не вызвали прекращенія того нравственнаго братства между старшими членами этого дружества, внѣшней оболочкой котораго былъ Арзамасъ. Въ этомъ смыслѣ Арзамасъ продолжалъ существовать и послѣ 1818—1819 г. Кн. Вяземскій писалъ Тургеневу 15 ноября 1819 г.: «Мало по малу Арзамасъ соберется на Невскомъ пепелищѣ или ледникѣ, а меня все-таки не будетъ» (Остаф. арх. 353), Пушкинъ изъ Кишинева въ 1822 г. увѣдомлялъ о себѣ и Раевскомъ «членовъ православнаго братства, украшающихъ берега Мойки и Фонтанки», А. и Н. Тургеневыхъ и ихъ, а стало быть и своихъ, петербургск. друзей.

Въ такомъ видѣ представляется теперь, на основаніи новыхъ матеріаловъ, исторія возникновенія Арзамаса.

(15). Пыпинъ, Характеристики стр. 81.

(16). «Арзамасскій опекунъ» (Остаф. арх. I, 112) Пушкина, А. И. Тургеневъ, писалъ кн. Вяземскому отъ 5 авг. 1819 г. въ объясненіе петербургскихъ увлеченій А. Сергѣевича: «вообрази двѣнадцатилѣтняго юношу, который шесть лѣтъ сряду живетъ въ виду дворца и въ сосѣдствѣ съ гусарами, и послѣ обвиняй Пушкина за его «Оду на сво-

боду» и за двѣ болѣзни не русскаго имени. Остаф. арх. I, 280. Яркіе факты, свидѣтельствующіе о крайне неудачномъ выборѣ тогдашняго Царскаго Села для учебнаго заведенія и объ отсутствіи должной дисциплины въ Лицеѣ см. въ соч. Анненкова, Пушкинъ въ Алекс. эпоху стр. 36—37 и въ примѣчаніяхъ акад. Майкова къ I т. академич. изд. соч. Пушкина стр. 307, 330, 333.

(17). Сочин. В. Л. Пушкина, ред. Саитова, изд. ред. «Сѣвера» Спб. 1893 г. стр. 52.

(18). Тамъ же стр. 97.

(19). Тамъ же стр. 73. Это путешествіе В. Л. дало поводъ къ появленію сатиры Дмитріева «Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія» (Христом. Галахова II, 146), въ которой были сгущены слабыя, даже отрицательныя, черты характера Вас. Львов., которыхъ онъ, по свойственному ему добродушію, и самъ не скрывалъ:

Люблю я многое, конечно,

говор. онъ въ стихотвор. «Люблю и не люблю»

Люблю съ друзьями я шутить,
Люблю любить я ихъ сердечно,
Люблю шампанское я пить,
Люблю читать мои посланья,
Люблю я слушать и другихъ,
Люблю веселыя собранья,
Люблю красавицъ молодыхъ—

но не отмѣчены многія въ высшей степени привлекательныя стороны его убѣжденій, характера и жизни, о которыхъ онъ, нисколько не рисуясь, совершенно правдиво говоритъ далѣе въ томъ же стихотвореніи:

Надъ ближнимъ не люблю смѣяться,
Невѣждъ я не люблю хвалить,
Славянофиламъ удивляться,
Къ вельможамъ на поклонъ ходить.
Я не люблю людей коварныхъ,
И гордыхъ не люблю глупцовъ,
Похвальныхъ словъ высокопарныхъ
И плоскихъ скаредныхъ стиховъ.
Люблю по модѣ одѣваться
И въ обществахъ пріятнымъ быть.
Люблю любезнымъ я казаться,
Расина наизусть твердить.

Люблю Державина творенья,
Люблю я «Модную жену»,
Люблю для сердца утѣшенья
Хвалу я пѣть Карамзину.
Въ собраньяхъ не люблю нахаловъ,
Подагрой не люблю страдать,
Я глупыхъ не люблю журналовъ,
Я въ карты не люблю играть,
И нашихъ квинтильяновъ мнимыхъ
Сужденій не люблю я злыхъ:
Сердецъ я не люблю строптивыхъ,
Актеровъ не люблю дурныхъ.
Я въ хижинѣ моей смиренной,
Гдѣ столько горя и заботъ,
Подъ-часъ, Амуромъ вдохновенный,
Люблю пѣть грацій хороводъ;
Люблю предъ милыми друзьями
Свою я душу изливать
И юность рѣзвую съ слезами
Люблю въ стихахъ воспоминать (стр. 83—84).

Въ виду этого, а равно въ виду того, что Дмитріевъ вообще въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ былъ склоненъ къ преувеличію дѣйствительныхъ недостатковъ, къ каррикатурному (ср. сатиру «Чужой толкъ») изображенію дѣйствительности, едва-ли справедливо пользоваться сатирой Дмитріева на Вас. Львов., какъ положительнымъ матеріаломъ для характеристики личности этого человѣка. Выраженіе А. Сергѣевича Пушкина, что въ «Путешествіи NN» Дмитріева изображенъ весь Василій Львовичъ съ удивительной точностью», я понимаю такъ, что оно констатируетъ т. сказать вѣрность изображенія въ немъ только отрицательныхъ сторонъ В. Львов., но это—одна сторона личности дядюшки-поэта, почтеннаго старосты Арзамаса, Нестора его. Въ пользу нашего пониманія какъ «Путешествія NN» Дмитріева, такъ и отзыва Пушкина о немъ, говоритъ и сообщеніе О. С. Павлищевой объ отношеніяхъ Вас. Л. Пушкина къ Дмитріеву: «Вас. Льв. былъ настолько уменъ, что не обижался, если иногда надъ нимъ друзья его и подшучивали. Такъ онъ расхохотался хотя мѣткой, но исполненной деликатности, шуткѣ своего большого пріятеля, литератора И. И. Дмитріева, выразившейся въ формѣ напечатаннаго только для тѣснаго кружка друзей стихотворенія: «Путешествіе В. Л. въ Парижъ...» съ нарисованной на Вас. Льв. каррикатурой. Не разсердился онъ и на выходку того же Дмитріева, когда пос-

лѣдній сказалъ ему: эхъ братъ, Вас. Льв., много, много написалъ ты на своемъ вѣку, а все-таки лучшее твое произведеніе—нецензурный «Опасный сосѣдъ», да и тотъ приписываютъ не тебѣ, а твоему племяннику «(Изъ семейной хроники. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Л. Павлищева стр. 12).

(20) Сантовъ въ біогр. В. Л. приложенной къ изд. его сочиненій стр. X, со ссылкой на Дамскій журналъ 1830 г. ч. XXXI № 28 стр. 167—169.

(21) Библіотека В. Л—ча сгорѣла въ Москвѣ въ 1812 г. Тогда же погибла и значит. часть его состоянія (Соч. Батюшк. стр. 529). Жить во всю широту прежнихъ стремленій уже нельзя было Вас. Львовичу. Грустное свое настроеніе по этому поводу В. Л. выразилъ въ стихотв. посланіи къ А. И. Тургеневу въ отвѣтъ на распространившійся слухъ о его смерти

Я живъ
И этотъ слухъ не лживъ
Люблю тебя душою.
Но долго, кажется, не буду я съ тобою—
И въ Питерѣ гулять по Невскомъ берегу:
Карманъ въ чахоткѣ мой; Ей Богу я не лгу.
Тургеневъ, милый мой, мнѣ жить приходитъ трудно!
Прости! Будь счастливъ, веселись,
Расходовъ лишнихъ берегись,
Не поступай, какъ я, ты глупо, безразсудно:
Прелестницъ убѣгай;
Бумаги не марай,—
И вѣчно будешь ты судьбой доволенъ,
Румянъ, здоровъ, покоенъ Остаф. арх. I, 57.

Вас. Львовичу пришлось по неволѣ сократить свои потребности и онъ притихъ и даже пріунылъ. Друзья его стали тревожиться не на шутку за него: Писалъ ли къ Вас. Львовичу? спрашивалъ кн. Вяземскій А. И. Тургенева 6 дек. 1818 г. «Его надобно беречь; право другого не будетъ, а безъ него, ты увидишь, какъ будетъ пусто» Остаф. арх. I, 166.

(22). Полн. собр. сочин. кн. Вяземскаго т. I, стр. 71—72. Отзывы другихъ арзамцевъ согласно съ этимъ отмѣчаютъ изящество слога Вас. Львовича, какъ выдающееся достоинство его произведеній. Д. Глѣбовъ писалъ Вас. Львов. въ стихотворн. посланіи:

Пѣвецъ любви и тихихъ наслажденій,
Кто строгій вкусъ и даръ соединилъ,
Ты Байрона присылкою твореній
Мечты мои уснувши оживилъ.

(Собран. образц. рус. сочин. въ прозѣ и стихахъ, изд. общ. люб. отеч. слов. 1822 года).

Жуковскій въ стихотворн. посланіи къ Вас. Львовичу (1814 г.) выражается такъ о его литературныхъ трудахъ:

Послушай, Пушкинъ другъ, *твои слогъ отмѣнно чистъ;*
Грамматика тебя угодникомъ считаетъ,
И никогда твой вкусъ не ковыляетъ,
Но кажется, что ты подъ часъ многорѣчистъ,
Что стихотворный жаръ твой могъ бы быть живѣе,
А выраженія короче и сильнѣе. I, 424.

Въ комической рѣчи, произнесенной Жуковскимъ въ Арзамасѣ при вступленіи въ него Василія Львовича, рядомъ съ шутками были высказаны и серьезныя опредѣленія таланта Василія Львовича, согласныя съ существовавшей тогда оцѣнкой положенія, занимаемаго имъ въ рус. литературѣ. «муза Вас. Львов. чистая дѣва Парнаса», «дѣвственная муза», его стихъ «непорочный» (Соч. Жук. изд. 7, т. VI стр. 682).

Даже Батюшковъ, строже другихъ относившійся къ Вас. Львовичу, остроумно подсмѣивавшійся надъ его недостатками, а къ манерѣ Вас. Львовича говорить относившійся даже брезгливо,—отдавалъ должное таланту этого писателя, а отъ сатиры его «Опасный сосѣдъ» приходилъ въ восхищеніе: «Стихи прекрасны, писалъ онъ Гнѣдичу Н. Н. 29 мая 1811 г. «изъ Филь, на Москвѣ рѣкѣ, отъ города въ 4 верстахъ: вообще, ходъ пьесы и характеры выдержаны отъ начала до конца.

«Панкратьевна, садись! Цѣлуй меня, Варюшка! Дай пушку! Пей, дьячекъ! И началась пирушка». Вотъ стихи! Какая быстрота! Какое движеніе! И это написала вялая муза Вас. Львовича... Какъ бы то ни было, въ этой сатирѣ много поэзіи... хочешь ли того, что Мармонтель называетъ délicatesse?

Свѣтъ въ черепкѣ погасъ, и близокъ былъ сундукъ.

Это прелестно; но все это не понравится гг. бесѣдчикамъ, которые отговорятъ:

Но къ чорту умъ и вкусъ! Пишите въ добрый часъ!
(Соч. Батюшк. изд. 5 общедост. стр. 450).

Въ письмѣ къ тому же Гнѣдичу изъ Череповца отъ 20 іюля 1811 г. Батюшковъ касается самой личности Вас. Львовичъ и, не будучи въ состояніи дать ей опредѣленіе, ограничивается лишь указаніемъ на двойственность впечатлѣнія, производимаго Вас. Львов. на посторонпихъ и мало знавшихъ его людей. (Батюшковъ познакомился съ Вас. Львов. въ 1810 г. въ Москвѣ (Сапговъ въ Остаф. арх. I 388), вѣроятно, тогда же,

т. е. въ 1810 г. А. Серг. могъ уже познакомиться съ Батюшковымъ, поэтому едва ли вѣрно замѣчаніе акад. Маикова, что стихотвор. А. С. къ Батюшкову 1814 г. «написано, безъ сомнѣнія ранѣе, чѣмъ П. имѣлъ случай познакомиться съ Батюшковымъ» (Соч. П. I, примѣч. стр. 67): «Сатира Пушкина есть произведеніе изящное, оригинальное, а онъ самъ еще оригинальнѣе своей сатиры... Онъ глупъ и остеръ, золъ и добродушенъ, веселъ и тяжелъ, однимъ словомъ, Пушкинъ—это живая антитеза. (Тамъ-же стр. 451).

Двойственность внѣшняго облика Вас. Львовича—типическая черта и другихъ людей, какъ его поколѣнія, такъ и позднѣйшаго, объясняемая, повидимому, тѣми противорѣчіями, которыя заключались въ самой жизни русской того времени, неуспѣвшей еще согласовать и привести къ единству двѣ стихіи—національную и иноземную; показателемъ и выразителемъ этой двойственности былъ самый языкъ интеллигенціи того времени, двойственнымъ былъ въ средній періодъ своей жизни, до нѣкоторой степени, и самъ А. С. Пушкинъ, хотя послѣдній, ставъ уже въ михайловскій періодъ своей жизни «простѣе», приблизился къ тому соотвѣтствію жизни и идеаловъ, которое отражаетъ болѣе высокія формы общественной культуры.

Батюшковъ въ письмѣ къ Вас. Львов. отъ полов. марта 1817 г. назыв. его «милымъ и почтеннымъ старостою» Арзамаса и очень остроумно и тонко, въ изящной стихотворной формѣ, опредѣляетъ положеніе В. Львов. какъ въ современной ему литературѣ, такъ и въ обществѣ: «Ваши сочиненія принадлежатъ славѣ въ этомъ никто не сомнѣвается:

Ты злого Гашпара убилъ однимъ стихомъ
И пѣлъ на лирѣ гимнъ, Эротомъ вдохновенный.

Но жизнь? Повѣрьте, и жизнь ваша, милый В. Л., жизнь, проведенная въ стихахъ и въ праздности, въ путешествіяхъ и въ домосидѣніи, въ мирѣ душевномъ и въ войнѣ съ славянофилами, не уйдетъ отъ потомства, и если у насъ будутъ лексиконы великихъ людей, стихотворцевъ и прозаистовъ, то я завѣщаю внукамъ искать ее подъ литерою П.:

Пушкинъ В. Л. род. и проч.

Чутьемъ поэзію любя,
Стихами лепеталъ ты, знаю, въ колыбели,
Ты былъ младенцемъ, и тебя
Лелѣялъ весь Парнасъ, и музы гимны пѣли,
Качая колыбель усердною рукой:
«Расти, малютка золотой!
«Расти, сокровище безцѣнно!

«Ты нашъ, въ тебѣ запечатлѣнно
«Таланта вѣчное клеймо!
«Ничтожныхъ должностей свинцовое ярмо
«Твоей не тронетъ шеи:
«Эротовъ розы и лилеи.
«Счастливы Наооса затѣи.
«Гулянья, завтраки и праздность безъ трудовъ.
«Жизнь безъ раскаянья, безъ мудрости и годовъ.
«Твои да будутъ вѣчно!
«Не будешь въ золотѣ ходить,
«Но будешь безъ труда на рифмахъ говорить,
«Друзей любить
«И кофе жирный пить» Тамъ же 616—617.

Самъ Вас. Львовичъ очень скромно опредѣлялъ свое положеніе въ рус. литературѣ:

Извѣстно вамъ, друзья, что галка—не фазанъ,
И что въ поэтахъ я казакъ, а не гетманъ (стр. 64);

въ эпитафіи самому себѣ:

Здѣсь Пушкинъ нашъ лежитъ; о немъ скажу два слова:
Онъ пѣлъ Буянова и не любилъ Шишкова
Остаф. арх. I, 48.

Довольно удачно выразилъ сущность всѣхъ опредѣленій таланта Вас. Львов. и значеніе его въ рус. литературѣ того времени его геніальный племянникъ въ стихотвор. «Городокъ» (1814 г.):

И ты замысловатый
Буянова пѣвецъ,
Въ картинахъ столь богатый
И вкуса образецъ.

и вообще въ исторіи русской литературы въ письмѣ къ кн. Вяземскому изъ Одессы отъ 1824 г., гдѣ онъ Вас. Львовича ставитъ въ одинъ рядъ съ Дмитріевымъ и Херасковымъ. Соч. изд. литер. ф. VII, 75.

(23). Сочин. В. Л. Пушкина, стр. XXI. Этотъ человѣкъ до самой смерти своей, не смотря на мучительные приступы подагры, сохранившій живое и горячее участіе къ литературѣ, умиравшій съ послѣдней новинкой зап.-европ. литературы въ рукахъ, съ томомъ Пѣсенъ Беранже (Анненковъ пародируетъ: «надъ французскимъ пѣсенникомъ»), какъ мало напоминаетъ людей, на самомъ дѣлѣ «умственно разбитыхъ и не состоятельныхъ»! Объективнымъ доказательствомъ полной умственной состоятельности В. Л. въ послѣдніе годы его жизни служитъ какъ оживленіе его литературной дѣятельности (повѣсть «Капитанъ Храбровъ»), такъ и

вдумчивое, серьезное критическое отношеніе къ явленіямъ рус. литературы, причемъ симпатіи В. Льв. были на сторонѣ тѣхъ фактовъ ея, въ которыхъ сосредоточивалась жизнь литературы, движеніе ея впередъ.

Племяннику и поэту, писалъ Вас. Львов. А. Сергѣевичу въ 1830 г., позволь, чтобъ дядя твой

На старости въ стихахъ поговорилъ съ тобой.
Хоть модный романтизмъ подъ часъ я осуждаю,
Но истинный талантъ люблю и уважаю...
Не оставляй свою прелестную свирѣль!
Пустые критики достоинствъ не умалятъ;
Жуковскій, Дмитріевъ тебя и чтутъ и хвалятъ;
Крыловъ и Вяземскій въ числѣ твоихъ друзей;
Пиши и утѣшай ихъ музою своей;
Наказывай глупцовъ, не говоря ни слова,
Печатай имъ на зло скорѣе Годунова.
Творенія твои для нихъ тяжелый бичъ... Стих. стр. 115.

Поэтъ—племянникъ, справедливо
Я названъ классикомъ тобой!
Все, что умно, краснорѣчиво,
Все, что написано съ душой
Мнѣ нравится, меня плѣняетъ.
Твои стихи, повѣрь, читаетъ
Съ живымъ восторгомъ дядя твой.
Латоны сына ты любимецъ,
Тебя онъ вкусомъ одарилъ;
Очарователь и счастливецъ,
Сердца ты наши полонилъ
Своимъ талантомъ превосходнымъ,
Всѣ мысли выражать способнымъ.
Руслань, Кавказскій плѣнникъ твой,
Фонтанъ, Цыганы и Евгеній
Прекрасныхъ полны вдохновеній!
Они всегда передо мной,
И не для критики пустой
Я ихъ твержу, для наслажденья.
Тацита нашего творенья
Читаетъ журналистъ иной,
Чтобъ славу очернить хулой;
Зоилъ достоинъ сожалѣнья:
Онъ позабылъ, что не вредна
Граниту бурная волна.
Тамъ-же стр. 113.

Совокупность литературныхъ опытовъ Вас. Львовича не даетъ основаній и для упрековъ этому писателю въ недостаткѣ глубокомыслія, даже въ легкомысліи, дѣлаемыхъ ему напр. г. Сантовымъ. См. стр. XVIII въ Сочин. В. Л. Пушкина.

(24) Сочин. Пушк. изд. Ефр. 3-ье т. I стр. 186.

(25) Тамъ же стр. 164. Это посланіе пропущено въ академич. изд. соч. Пушкина, редакт. акад. Майковымъ.

(26) Сравн. съ этимъ слѣд. сообщеніе кн. Вяземскаго въ письмѣ А. И. Тургеневу изъ Варшавы отъ 28 сент. 1818 г: «Вас. Львовичъ храбрится въ Москвѣ противъ Качановскаго и пишетъ ко мнѣ, что «хотя

и печатаетъ онъ свои сочиненія зимою, но смѣло бросаетъ ему свою перчатку и отдѣлаетъ его не хуже словенской братіи. Какъ другой Раевскій, выставляетъ онъ себя съ дѣтьми передъ рядами». Остаф. арх. I, 126.

(27) Соч. Пушк. изд. Ефр. 3, т. I стр. 99. Полная правдивость этихъ стиховъ, отсутствіе въ нихъ лести, доказывается воспоминаніями Ольги Сергѣевны Павлищевой, сестры и «безцѣннаго друга» поэта: «Марья Алексѣевна Ганнибалъ, говор. Л. Павлищевъ, была первой наставницей своей внучки и внуковъ. Обладая изящнымъ слогомъ, которымъ любовались всѣ, читавшіе ея письма, она обучала мать мою и братьевъ ея, Александра и Льва Сергѣевичей, сначала русской грамотѣ, а впослѣдствіи и русской словесности. Какъ она, такъ и дядя ихъ Василій Львовичъ ... имѣли на молодыхъ Пушкиныхъ самое благотворное вліяніе своими кроткими внушеніями, религіозными убѣжденіями и возвышенной душою. Пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ Василій Львовичъ рѣзко отличался своимъ характеромъ отъ своего брата Сергѣя: мать моя не помнитъ, сердился ли онъ когда нибудь и возвышалъ ли голосъ, а если разошелся съ своей легкомысленной женой Капитолиной Михайловной, рожд. Вышеславской, то отнюдь не по своей винѣ, и понятно, что всѣ, кто его только зналъ и любилъ (а знала его и любила вся Москва), очутились безусловно на его сторонѣ» (Изъ семейной хроники стр. 11).

Нельзя не упомянуть о слѣд. крайне рѣзкомъ отзывѣ Алекс. Сергѣевича о стихотвор. Вас. Львов., заключающемся въ письмѣ его къ кн. Вяземскому, папис. 6 февр. 1823 г. въ Кишиневѣ: «Дядя прислалъ мнѣ свои стихотворенія. Я было хотѣлъ написать объ нихъ кое-что, болѣе для того, чтобы ущипнуть Дмитріева, нежели чтобы порадовать нашего старосту, да невозможно, онъ такъ глупъ, что языкъ не повернется похвалить его и не сравнивая съ экс-министромъ». Рус. Вѣстн. 1899 г. іюнь. Рѣзкій тонъ этого письма, вѣроятно, былъ вызванъ какимъ-либо случайнымъ раздраженіемъ, подъ впечатлѣніемъ котораго поэту и попалось на языкъ обычное его выраженіе: «онъ просто глупъ, и слава Богу» — по адресу дяди. Предшествующій этому отзывъ Ал. Серг. о стихахъ дяди, заключающійся въ письмѣ къ кн. Вяземскому оттуда же отъ 2 января 1822 г. гораздо мягче: «Скоро ли выйдутъ его творенія? Всѣ они вмѣстѣ не стоятъ Буянова, а что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ? Крайне опасаюсь, чтобъ двоюродный братъ мой не почелся моимъ сыномъ. А долго ли до грѣха» (Соч. Пушк. изд. общ. пос. литер. VII стр. 28). Противорѣчивые отзывы, вызванные мимолетнымъ раздраженіемъ, давалъ Пушкинъ и о Жуковскомъ, и о Гете. Нужно, разумѣется принять въ вниманіе еще и то, что къ 1822 г. А. С. далеко оставилъ за собою дядю, могъ и забыть про ранніе уроки послѣдняго, которые, однако,

несомнѣнно отразились въ поэзіи А. Сергѣевича, во многихъ сужденіяхъ, приговорахъ, убѣжденіяхъ. Характеръ вліянія образованнаго Вас. Львовича, проникнутаго многими возвышенными взглядами эпохи, состоялъ въ непосредственномъ воздѣйствіи на складъ мыслей А. Сергѣевича. Въ родственной средѣ это дѣлается естественно, само собою. Въ отношеніяхъ Вас. Львовича къ Ал Сергѣевичу въ раннія годы жизни этого послѣдняго могло имѣть примѣненіе то самое психологич. явленіе, о которомъ говор. кн. Вяземскій въ письмѣ къ Тургеневу отъ 3 дек. 1818 г: «Я часто замѣчалъ: одно умное слово, одна свѣтлая истина, падая въ меня, приноситъ болѣе плода, чѣмъ чтеніе иной хорошей книги». (Остаф. арх. I, 162).

(28). Стихотвор. В. Л. Пушкина стр. 113.

(29). Соч. А. С. Пушк. изд. Ефр. 3-ье I стр. 368.

(30). Тамъ же стр. 353.

(31). Еще Тэномъ въ Исторіи англійск. литерат. отмѣчена связь геніальности поэта съ лексическимъ богатствомъ его языка. Чѣмъ поэтъ геніальнѣе, тѣмъ большимъ количествомъ средствъ языка онъ располагаетъ для выраженія своихъ мыслей. Шекспиръ владѣлъ 15000 словъ, Мильтонъ не болѣе 8000. Интересно бы сосчитать, сколько словъ употребилъ Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ. Очевидна въ данномъ случаѣ аналогія между поэтомъ и музыкантомъ.

(32). Пыпинъ, Характеристики 63.

(33). Сочин. Пушк. изд. общ. пособія нужд. литер. I, 194.

(34). Въ письмѣ къ А. Серг. отъ 17 апр. 1816 г. Вас. Львов. писалъ: «Николай Михайловичъ въ началѣ мая отправляется въ Царское Село. Люби его, слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужатъ къ твоему добру и, мож. быть, къ пользѣ нашей словесности. Мы отъ тебя многаго ожидаемъ» Сочин. стр. 150 ред. Сапгова.

Объ Оссіанѣ А. С. могъ узнать отъ Вас. Львов. ранѣе, нежели сталъ учиться у Кошанскаго (Соч. Пушк. изд. академ. наукъ т. I стр. 31): извѣстно стихотв. Вас. Льв. «Колма», представляющее отрывокъ изъ Оссіана. Стихотвореніе это сопровожд. слѣдующимъ замѣчаніемъ Вас. Львовича: «отрывокъ сей сдѣланъ по просьбѣ одного пріятеля, желавшаго видѣть въ стихахъ Оссіановы пѣсни; *но едва-ли теченіе и гармонія ихъ не противятся стихамъ*», (стр. 47).

Мы приводили отрывокъ изъ стихотвор. Глѣбова, выражающій благодарность этого человѣка Вас. Львовичу за присылку твореній Байрона. Возможно, что Вас. Львов. могъ обратить и вниманіе своего племянника на Байрона. Впрочемъ, въ увлеченіи Байрономъ А. С. Пушкинъ раздѣлялъ чувства и другихъ своихъ товарищей по Арзамасу. Тургеневъ пи-

салъ кн. Вяземскому 22 окт. 1819 г.: «ты проповѣдуешь намъ Байрона, котораго мы все лѣто читали. Жуковскій имъ бредитъ и имъ питается. Въ планахъ его много переводовъ изъ Байрона (Остаф. арх. I, 334). Въ письмѣ отъ 13 авг. Тургеневъ называетъ Байрона «геніемъ-воскресителемъ» Жуковскаго (тамъ-же, стр. 286). Сѣд., мнѣніе акад. Майкова—«едва-ли не черезъ Н. Н. Раевскаго и его сестеръ (Пушкинъ) впервые познакомился съ Байрономъ» (Пушкинъ стр. 140) нуждается въ повѣркѣ или въ измѣненіи.

(35). Стихотвор. В. Л. Пушкина, стр. 13—14.

(36). Сочин. А. С. Пушк. изд. Ефр. 3, т. II, 9.

(37). Сочин. В. Л. Пушк. стр. 73.

(38). Сочин. А. С. Пушк. V изд. общ. литер. 123.

(39). Сочин. кн. Вяземскаго т. I, стр. 21.

(40). Тамъ-же стр. XLII.

(41). Сочин. стр. 43.

(42). Соч. А. С. Пушк. V изд. 3-е Ефр., стр. 231.

(43). «Натура Пушкина, говор. кн. Вяземскій, была болѣе открыта къ сочувствіямъ, нежели къ отвращеніямъ. Въ немъ было болѣе любви, нежели негодованія; болѣе благоразумной терпимости и здравой оцѣнки дѣйствительности и необходимости, нежели своевольнаго враждебнаго увлеченія. На политическомъ поприщѣ, если оно открылось-бы передъ нимъ, онъ безъ сомнѣнія былъ-бы либеральнымъ консерваторомъ, а не разрушающимъ либераломъ. Такъ называемая либеральная, молодая пора его поэзіи не можетъ служить опроверженіемъ словъ моихъ. Во-первыхъ, эта пора сливается съ порою либерализма, который, какъ повѣтріе, охватилъ многихъ изъ тогдашней молодежи. Нервное, впечатлительное созданіе, какимъ обыкновенно родится поэтъ, еще болѣе, еще скорѣе, чѣмъ другое, бываетъ подвержено дѣйствію повѣтрія. Многіе изъ тогдашнихъ т. наз. либеральныхъ стиховъ его были болѣе отголоскомъ того времени, нежели отголоскомъ, исповѣдью внутреннихъ чувствъ и убѣжденій его. Онъ часто былъ Эолова арфа либерализма на торжествахъ молодежи, и отзывался тѣми голосами, которые налетали на него. Не менѣе того, онъ былъ искрененъ, но не былъ сектаторомъ въ убѣжденіяхъ или предубѣжденіяхъ своихъ, а тѣмъ болѣе не былъ сектаторомъ чужихъ предубѣжденій. Онъ любилъ чистую свободу, какъ любить ее должно, какъ не можетъ не любить ее каждое молодое сердце, каждая благорожденная душа. Но изъ того не слѣдуетъ, чтобы каждый свободолюбивый человѣкъ былъ непремѣнно и готовымъ революціонеромъ» (Сочин. I, 323) Сравн. примѣчаніе 8. Въ согласіи съ арзамасскими принципами опредѣлялъ свободу и Жуковскій: «Что есть свобода? Способность произносить слово

«нѣтъ» мысленно или вслухъ. Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность дѣлать все, чего не запрещаетъ законъ» (Соч. изд. 7 Ефрем. т. VI, стр. 131).

(44). Сочин. В. Л. Пушк., ред. Саитова стр. 64.

(45). Въ подлинникѣ у Шекспира, въ рѣчи Клавдіо нѣтъ этого чисто пушкинскаго восхищенія передъ природой, какъ прекраснымъ цѣлымъ, какъ Космосомъ.

Увы! Земля прекрасна и жизнь мила!

Клавдіо Шекспира трусливый сластолюбецъ, далекій отъ эстетическаго созерцанія природы, цѣнящій жизнь, какъ источникъ удовольствій:

.. Ужасно умереть...
... уйти въ безвѣстный путь!
Лежать и гнить подъ насыпью холодной,
Утратить жизни благодатный жаръ!
Стать безобразной, мертвою колодой
Тогда какъ духъ, такъ чувствовавшій радость
Въ былые дни,—низвергнется въ огонь!...
. . . . . .
О страшно, страшно! Что бы ни послала
Земная жизнь: тюрьму, болѣзни, старость,
Зло нищеты—все ничего, все рай
Въ сравненьи съ тѣмъ, что насъ пугаетъ въ смерти!
Мѣра за мѣру, перев. Соколовскаго.

Пушкинъ истолковалъ типъ Клавдіо съ точки зрѣнія своихъ эстетическихъ воззрѣній на міръ и жизнь, которыя онъ высказывалъ уже въ лицейскихъ стихотвореніяхъ (Къ Каверину) и которыя намъ представляются существенно сходными съ воззрѣніями Вас. Львовича. Образъ Клавдіо у Пушкина вышелъ, благодаря этому, нѣсколько чище, идеальнѣе. Вслѣдствіе этого и пьеса выиграла въ художественности, съ точки зрѣнія яркости и рельефности выраженія идеи милосердія, соединенной съ изв. степенью справедливости.

(46). Стихотв. В. Л. Пушк. стр. 15—16, 4.

(47). Изъ шутливаго стихотворенія Батюшкова «Запросъ Арзамасу» 10 марта 1817 г.:

Три Пушкиныхъ въ Москвѣ, и всѣ они поэты.
Я полагаю, всѣ одни имѣютъ лѣты

(разумѣется, парнасскія, поэтическія; тонкая похвала А. Сергѣевичу по сравненію съ Вас. Львов. и его москов. однофамильц. и противникомъ «балагуромъ и стиховъ его хулителемъ» Алекс. Михайловичемъ Пушкинымъ).

Талантомъ можетъ быть они и не равны;
Одинъ другого больше пишетъ,
Одинъ живетъ съ женой, другой и безъ жены,
А третій объ женѣ и вѣсточки не слышитъ.
(Послѣдній—промежъ насъ я молвлю—страшный плутъ,
И прямо въ адъ ему дорога!)
Но дѣло въ томъ, скажите, ради Бога,
Котораго изъ нихъ Бобрищевымъ зовутъ?

Батюш. стр. 540.

(48). М. А. Дмитріевъ такъ характеризуетъ своего дядю, автора приведенныхъ сатирическихъ изображеній Вас. Львовича, И. И. Дмитріева: «Дмитріевъ, уважая другихъ, требовалъ и къ себѣ уваженія и соблюденія всѣхъ приличій; ровняя всѣхъ знакомыхъ своею ровною ко всѣмъ привѣтливостію, онъ любилъ, однако, чтобъ они не забывались и чтобы всякій зналъ свое мѣсто». Чопорность Дмитріева была одной изъ причинъ, отдалившихъ отъ него А. С. Пушкина, хорошъ русскій поэтъ, poéte de notre civilisation, хороша и наша civilisation!, (писалъ онъ кн. Вяземскому въ 1823 г. изъ Одессы) и другихъ молодыхъ писателей, заслужившихъ однако за это упрекъ въ самонадѣянности. Мелочи изъ запаса моей жизни. 123.

Еще болѣе чопорнымъ былъ «староста» рус. литературы конца XVIII в. Херасковъ. Интересенъ для характеристики нравовъ и литературныхъ вкусовъ того времени слѣд. разсказъ, сообщаемый Дмитріевымъ объ отношеніяхъ Хераскова къ Вас. Львовичу: «Однажды Василій Львовичъ, бывшій тогда еще молодымъ авторомъ, привезъ вечеромъ къ Хераскову новые стихи свои. Какіе? спросилъ Херасковъ.—«*Разсужденіе о жизни, смерти и любви*», отвѣч. авторъ. Херасковъ приготовился слушать со всѣмъ вниманіемъ и съ большой важностію. Вдругъ начинаетъ Пушкинъ:

Чѣмъ я начну теперь?—Я вижу, что *баранъ*
Нейдетъ тутъ ни къ чему, гдѣ рифма *барабанъ*

Херасковъ чрезвычайно насупился и не могъ понять, что это такое! Это были bouts rimés, стихи на заданныя рифмы. Важный хозяинъ дома и важный поэтъ былъ не совсѣмъ доволенъ этимъ сюрпризомъ, а Пушкинъ очень оробѣлъ» (Мелочи 31).

Нуженъ былъ исполинскій талантъ А. С. и гигантская работа его мысли и воли для того, чтобы произвести въ теченіе четверти вѣка радикальную перемѣну въ взглядахъ на явленія литературы и литературнаго языка, и между прочимъ, какъ въ данномъ случаѣ, превратить bouts rimés, шокировавшія чопорныхъ пуристовъ литературнаго вкуса XVIII в. въ изящные стихотворные эффекты въ родѣ тѣхъ, что напр. въ Евг. Онѣгинѣ:

И вотъ уже трещатъ морозы Читатель ждетъ ужъ рифмы—*розы:*
И серебрятся средь полей. На, вотъ, возьми ее скорѣй.

(49). Анненковъ, Матеріалы для біогр. Пушк. стр. 7—8.

(50). Полонскій въ его поэзіи стр. 15.

(51). Данныя переписки кн. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ подтверждаютъ сообщеніе кн. Вяземскаго о зависимости раннихъ сатирич. произведеній Пушкина отъ настроенія его сверстниковъ и товарищей. На эпиграммы, оказывается, его наталкивали свои же друзья, соарзамасцы: Кн. Вяземскій писалъ Тургеневу изъ Варшавы 13 окт. 1818: «У васъ подъ носомъ рѣжутъ и грабятъ; Свиньинъ полоскается въ грязи и пишетъ стихи, и еще какіе, а вы ни слова, какъ будто не ваше дѣло. Да чего же смотритъ Сверчокъ, полуночный бутошникъ? При каждомъ такомъ безчинствѣ онъ долженъ крикнуть эпиграмму (Остаф. арх. I, 130). Въ письмѣ его же отъ 31 авг. того же года «Скажи поэту Пушкину, что ему непремѣнно должно высѣчь мстительнымъ стихомъ мерзавца Качановскаго... Не надобно личностей, но сильный приговоръ къ смерти: La mort sans phrases. Тамъ же стр. 118—119.

(52). Сочин. В. Л. Пушк. стр. 50.

(53). Тамъ же стр. 56, 59.

(54). Стихотв. А. С. Пушк. 3 изд. Ефр. I, 143—слѣд.

(55). Сочин. В. Л. Пушк. стр. 67.

(56). Сочин. А. С. Пушк. 3 изд. Ефр. I стр. 158.

(57). Сочинен. В. Л. П. стр. 8.

(58). Тамъ же стр. 63.

(59). Лирическіе восторги пок. Незеленова въ отношеніи къ Аринѣ Родіоновнѣ (Пушк. въ его поэзіи 5), повидимому, нужно до извѣстной степени умѣрить: по воспоминаніямъ Л. Павлищева «Арина Родіоновна—личность полуграмотная и ровно ничѣмъ не замѣчательная въ сущности, кромѣ сообщаемыхъ ею росказней о богатырѣ Еруслапѣ Лазаревичѣ, царѣ Салтанѣ и прочихъ въ этомъ родѣ нар. басенъ. Этого мало» (стр. 4).

Не могла же эта полуграмотная женщина, хотя добрая и почтенная няня и экономка поэта, дѣйствовать возбудительно на проявленіе симпатій Пушкина къ народности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Какъ объектъ для наблюденій и изученій народности Пушкинымъ, она представляла несомнѣнно элементъ благодарный и благопріятный. Доброта, радушіе ея еще болѣе располагали въ ея пользу не только поэта—изгнанника, но и литераторовъ, заѣжавшихъ въ Михайловское—повидаться съ Алек. Серг. Но нужно согласиться, что для совершеннаго установленія принципіальныхъ убѣжденій Пушкина относительно народности русскаго языка и литературы этого очень мало. Вспомнимъ Гончарова, «который

сказки няни ставитъ не на послѣднемъ мѣстѣ въ числѣ печальныхъ обстоятельствъ, сдѣлавшихъ изъ добраго и умнаго Ильюшеньки Обломова негоднаго лежебоку и тряпку» (проф. А. И. Кирпичниковъ, очерки по истор. нов. русск. литер. Спб. 1896 г. стр. 138). Нужны были указанія авторитетной теоріи; таковой для А. С. Пушкина была теорія романтиковъ; нужны были интенсивныя вліянія литературы: таковыми были вліянія «геніевъ» Арзамаса, поддержанныя симпатіями и собственной практикой Василія Львовича.

(60). **Къ созданію поэмы „Русланъ и Людмила“.** Поэма Пушкина «Русланъ и Людмила» создавалась подъ сильнымъ вліяніемъ членовъ Арзамаса. Карамзинъ еще въ 1795 г. написалъ сказку «Илья Муромецъ». Ей по складу подражалъ Пушкинъ въ своемъ «Бовѣ». Но замѣчательно слѣдующ.: Пушкинъ, подражая Карамзину въ размѣрѣ, вставилъ въ одномъ мѣстѣ стихъ, указывающій на вліяніе на него воззрѣній Вас. Львовича на слогъ: Сравн:

Мы другія сказки слышали,

пишетъ Карамзинъ.

Отъ своихъ родимыхъ матушекъ.
Я напѣренъ слогомъ древности
Разсказать одну изъ нихъ
Вамъ, любезные читатели

Обратно этому говор. А. Серг.:

Я хочу, меня чтобы поняли
Всѣ отъ мала до великаго I, 62.

несомнѣнно, въ согласіи съ Вас. Львовичемъ, писавшимъ Жуковскому: «логикѣ учусь и яснымъ быть желаю (Сочин, стр. 70)» и—

«Славянскія слова таланта не даютъ.».

Жуковскій въ 1803 году написалъ сказочную повѣсть «Вадимъ» изъ древней новгородской жизни, а въ 1808 г. сказку русскую «Три пояса», въ которой дѣйствіе происходитъ при кн. Владимирѣ, недалеко отъ Кіева. Одна изъ героинь сказки назыв. Людмилой. Въ томъ же 1808 г. появилась и баллада Жуковскаго «Людмила». Людмила, кажется, одно изъ любимыхъ поэтическихъ именъ въ нашей литературѣ начала XIX в. Въ 1814 году Жуковскій въ посланіи къ Воейкову сообщаетъ о своихъ занятіяхъ народной русской поэзіей слѣд. стихами, въ которыхъ нельзя не признать сильнаго сходства съ извѣстнымъ прологомъ Пушкина къ Руслану и Людмилѣ, написанномъ черезъ 8 лѣтъ послѣ окончанія поэмы:

У лукоморья дубъ зеленый и т. д.

Твой поэтъ, пишетъ Жуковскій:

Съ смиренной музою, съ друзьями
Въ смиренномъ уголкѣ живетъ
И у моря погоды ждетъ.
И ты, мой другъ, чтобы мечтою
Грядущее развеселить,
Спѣшишь волшебныхъ струнъ игрою
Въ ней спящій геній пробудить;
И очарованный тобою,
Какъ за прозрачной пеленою,
Я вижу древни чудеса:
Вотъ наше солнышко краса
Владиміръ князь съ богатырями,
Вотъ Днѣпръ кипитъ между скалами,
Вотъ златоверхій Кіевъ градъ,
И басурмановъ тьмы, какъ пруги,
Вокругъ зубчатыхъ стѣнъ кипятъ,
Сверкаютъ шлемы и кольчуги,
Отъ кликовъ, топота коней,
Отъ стука палицъ, свиста пращей
Далеко слышенъ гулъ дрожащій;
Вотъ дивной облеченъ броней
Добрыня богатырь могучій
И конь его Златокопытъ;
Чрезъ степи и лѣса дремучи
Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ и чудъ и великановъ,
И втайнѣ дѣвица краса
За дальни степи и лѣса
Во слѣдъ ему летитъ душою;
Склоняся на руку главою,
На путь изъ терема глядитъ,
И такъ въ раздумьи говоритъ:
О вѣтеръ, вѣтеръ, что ты вьешься?
Ты не отъ милаго несешься
Ты не привезъ веселья мнѣ,
Играй съ касаткой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями,

Стрѣлу пернатую отвей
Отъ друга—радости моей (мотивы изъ Сл. о п. Игор.

Вотъ откуда, стало быть, отъ Арзамаса, могутъ исходить и симпатіи Пушк. къ изученію Сл. о п. Игор.).

Краса дѣвица поетъ, плачетъ,
А другъ по доламъ, холмамъ скачетъ,
Летя за тридевять земель;
Ему сыра земля постель,
Возглавье щитъ, постель дубрава;
Тамъ бьется съ бабою ягой,
Тамъ изъ ручья съ живой водой
Подъ стражей змѣя шестиглава
Кувшиномъ черпаетъ златымъ,
Тамъ машетъ дубомъ передъ нимъ—
Косматый людоѣдъ Дубыня,
Тамъ заслоняетъ путь Горыня,
И вотъ внезапно занесенъ
Въ жилища чародѣевъ онъ.
Предъ нимъ чернѣетъ лѣсъ ужасный
Сіяетъ блескъ вдали прекрасный,
Чѣмъ ближе онъ, тѣмъ далѣ свѣтъ;
То тяжкій филина полетъ,
То врановъ раздается ропотъ,
То слышится русалки хохотъ,
То вдругъ изъ—за сѣдого пня
Выходитъ лѣшій козлоногій.
И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ будто слиты изъ огня—
Дворецъ волшебный царь-дѣвицы:
Красою бѣлыя колпицы,
Двѣнадцать дѣвъ къ нему идутъ
И пѣснь привѣтствія поютъ... (Соч. Жук. ст. I, 385-6.

Въ тоже время Жуковскій замышлялъ составить поэму «Владиміръ», вродѣ Виландова Оберона (т. I примѣч. стр. 505).

Батюшковъ опредѣленно и сознательно стремился къ изученію произведеній рус. народной поэзіи и къ оживленію рус. литературы мотивами нар.-поэтическими, хотя самые подлинные памятники нар. поэзіи казались ему съ эстетич. точки зрѣнія и «дрянью». Въ письмѣ къ Гнѣдичу, напис. въ маѣ 1817 г., Батюшковъ пишетъ: «Нельзя ли достать славян-

скія сказки Новикова. Древнія рус стихотвор., изд. Ключарева, если не ошибаюсь. Къ этому пришли Бову Королевича, Петра Золотые ключи, Ивашку Бѣлую рубашку и всю эту дрянь. Авось когда-нибудь и за это примусь» (стр. 504).

Въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 23 іюня того же года Батюшковъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи «приняться за поэму Русалку и за словесность русскую (543).

Пушкинъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому изъ Царск. Села отъ 27 марта 1816 г. въ шуточной формѣ упрекаетъ Батюшкова въ томъ, что онъ завоевалъ у него Бову королевича (т. VII, стр. 2).

Къ этому остается еще прибавить, что одинъ изъ близкихъ друзей и собесѣдниковъ А. С. Пушкина, Катенинъ, «былъ, по словамъ самого А. С. Пушкина, однимъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма на Руси, первый введшій въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные (V соч. Пушк. стр. 193).

Изъ сказаннаго видно, насколько далеки отъ истины слѣд. слова Загарина, принятые за подлинную правду однимъ изъ усердныхъ комментаторовъ Пушкина. «Въ литературномъ кругу этого времени не былъ пробужденъ вкусъ къ народной поэзіи, и если писатели знакомились съ нею, то безъ всякаго побужденія проникнуться духомъ ея»... «Какъ Карамзинъ предания считаетъ несогласными съ важностью исторіи, такъ... и Жуковскій и арзамасцы, не смотря на всю смѣлость своихъ нововведеній, не рѣшались полнымъ ковшомъ черпнуть изъ этого источника» (Поливановъ, соч. Пушк. т. II стр. 5 со ссылкой на Загарина «Жуковск. и его произв.» изд. 2 стр. 215).

Созданіе «Руслана и Людмилы» происходило можно сказать на глазахъ членовъ Арзамаса; по мѣрѣ того какъ отдѣльн. пѣсни поэмы предлагались на обсужденіе арзамасцевъ, поэтъ возбуждалъ искренній, неподдѣльный восторгъ въ арзамасскомъ опекунѣ А. И. Тургеневѣ, и большія ожиданія, которыя этотъ послѣдній передавалъ варшавскому арзамасцу, кн. Вяземскому: «Пушкинъ уже на четвертой пѣснѣ своей поэмы, которая будетъ имѣть всего шесть. То ли дѣло, какъ двадцать ѣлтъ ему стукнетъ! Эй, старички, не плошайте, писалъ А. И. Тургеневъ кн. Вяземскому 3 дек. 1818 г. изъ Спб. Онъ же писалъ ему же 26 авг. 1819 г.: «Прислалъ ли я тебѣ «Деревню» Пушкина. Есть сильные и прелестные стихи, но и преувеличенія насчетъ псковскаго хамства.

... Что изъ этой головы лѣзетъ? Жаль, если онъ ее не сноситъ! Онъ читалъ намъ пятую пѣсню своей поэмы, въ деревнѣ сочиненную...» (Остаф. арх. I, 296).

Отъ 22 окт. 1819 г. Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому: «Пушкинъ переписалъ для тебя стансы на (свободу), но я боюсь и за него, и за тебя посылать ихъ къ тебѣ. Les meurs peuvent avoir des yeux et même des oreilles Ост. арх. I, 355.

Печальныя предчувствія относительно возможной участи бывшаго не въ мѣру рѣзвымъ Пушкина не обманули осторожнаго А. И. Тургенева: поэтъ долженъ былъ оставить Петербургъ уже весною слѣдующаго 1820 г.

(61). Разысканія, произведенныя по моей просьбѣ многоуважаемымъ П. К. Симони, въ указанныхъ франц. журналахъ, подтвердили только отчасти преданіе, сообщенное Галаховымъ (Истор. Христ. т. II, 142; не указаны источники): Въ Archives littéraires de l'Europe въ I т. за 1804 г. стр. 258—268 и т. II, за тотъ же годъ, стр. 94—108 дѣйствительно помѣщены переводы двухъ рус. сказокъ изъ числа издан. Чулковымъ: О Василіи Богуслаевичѣ и о Чурилѣ Пленковичѣ; но участіе въ переводѣ Вас. Львовича остается недоказаннымъ, такъ какъ въ инпціалахъ *C. V.*, подъ которыми скрылся переводчикъ, трудно усмотрѣть имя этого писателя.

Пользуюсь случаемъ принести здѣсь глубокую свою благодарность П. К. Симони за его труды по доставленію мнѣ этихъ справокъ, очень интересныхъ и важныхъ для меня.

(62). Кн. Вяземскій П. С. Соч. т. I. стр. LVII.

(63). Жуковскій П. С. Соч. т. VI стр. 681.

(64). Тихонравъ, Сочин. т. III, стр. 434 и друг. **О взглядахъ Пушкина на поэта и поэзію по отношенію къ воззрѣніямъ „геніевъ" Арзамаса.** Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ членовъ Арзамаса выработались въ Пушкинѣ взгляды на поэта и поэзію. Въ виду того, что этотъ пунктъ воззрѣній Пушкина представляется не выясненнымъ съ историко-литературной точки зрѣнія, мы здѣсь сообщаемъ нѣсколько своихъ замѣчаній и соображеній по этому поводу. Провозглашенные романтической школой зап.-европ. литературы мистическіе взгляды на поэта, какъ пророка, жреца Аполлона, и на поэзію, какъ на священнодѣйствіе, на жертвоприношеніе, Пушкинъ выразилъ въ стихотвореніяхъ «Пророкъ», «Поэтъ» «Чернь», «Поэту» написанныхъ въ промежуткѣ времени отъ 1826 по 1830 годъ. Но основные идеалы, выраженные Пушкинымъ въ этихъ произведеніяхъ, гораздо ранѣе, въ періодъ юности поэта, были высказаны Батюшковымъ и Жуковскомъ, его учителями въ поэзіи. Взгляды своихъ парнасскихъ учителей Пушкинъ только выразилъ съ необычайной ясностью, простотой и мощной энергіей языка. Вопреки Карамзину, проводившему взглядъ, что поэтъ есть искусный лжецъ, Батюшковъ и

Жуковскій установилъ взглядъ на поэта, какъ правдиваго выразителя думъ, чувствъ и мыслей человѣка. Пушкинъ усвоилъ тотъ же взглядъ: «Мнѣ истина всего дороже», онъ говор. про себя. Въ поэмѣ Руланъ и Людмила Пушкинъ себя называетъ «печальной истины поэтомъ», свои пѣсни «правдивыми».

По Батюшкову, «поэтъ, напередникъ музъ, долженъ быть жрецомъ парнасскихъ алтарей». Поэзія—пламень потаенный, сей огонь зиждительный, даръ поэта драгоцѣнный—

> Отъ юности въ душѣ небеснаго залогъ,
> Которымъ Фебовъ жрецъ исполненъ, какъ пророкъ,

Поэтическая дѣятельность, процессъ творчества, служитъ для поэта источникомъ удовольствій и счастія въ жизни:

> Пѣтъ отъ юности до сребряныхъ власовъ
> Лелѣетъ въ памяти страну своихъ отцовъ.
> На жизненномъ пути ему даруетъ геній
> Неизсякаемый источникъ наслажденій
> Въ замѣну счастія и скудныхъ міра благъ.
> Съ нимъ муза тайная во всѣхъ мѣстахъ
> И въ мірѣ дивный міръ любимцу создаетъ,
>
> (Пис. въ 1815 г.).

Ср. въ стихотв: Пушкина· «Элегія» «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье»...

> И вѣдаю: мнѣ будутъ наслажденья
> Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
> Порой опять гармоніей упьюсь,
> Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

Въ самомъ молчаніи, говор. Батюшковъ, онъ будетъ все пѣть, въ самомъ бездѣйствіи онъ съ дѣятельнымъ слухомъ;

> *Все сильно чувствуетъ, все ловитъ взоромъ, слухомъ,*
> Всѣмъ наслаждается и всюду, наконецъ,
> Готовитъ Фебу дань его грядущій жрецъ.

Прошу сравнить съ этимъ стихотвореніе Пушкина «Пророкъ», въ которомъ библейскими образами выражена мысль объ особой конструкціи поэта, объ особомъ характерѣ его способностей, его сердца, слуха, зрѣнія и воли, очищенныхъ актомъ божественнаго избранія и направленныхъ на то, чтобы сильнѣе дѣйствовать на людей.

Свобода творчества—принципъ Батюшкова: «я писалъ о независимости въ стихахъ, о свободѣ въ стихахъ, гов. онъ въ письмѣ къ Гнѣдичу

въ 1811 г. «(Соч. Батюшкова 5-е общедоступн. изд. стр. 459). Тотъ же принципъ высказывалъ Карамзинъ. Въ стихотвор. «Къ бѣдному поэту» Карамзинъ говоритъ:

Истинно родная мать,
Природа любитъ награждать
Несчастныхъ пасынковъ фортуны.
Даетъ имъ умъ, сердечный жаръ,
Искусство пѣть—чудесный даръ
Сердца гармоніей плѣнять...
Какъ птичка, въ бѣломъ свѣтѣ воленъ,
Не знаешь клѣтки, ни оковъ,—
Чего же больше? будь доволенъ
Поэтъ! Натура вся твоя;
Въ ея любезномъ сердцу лонѣ
Ты царь на велелѣпномъ тронѣ

Припомните у Пушкина въ стихотвореніи «Поэту»:

Ты царь! живи одинъ! Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный...

Тѣ же мысли находимъ въ стихотвореніяхъ Жуковскаго съ присоединеніемъ пренебрежительнаго отношенія къ черни, толпѣ непосвященныхъ, къ профанамъ, смягчающагося, однако, проповѣдью милосердія и снисхожденія:

Другъ Пушкинъ (Вас. Львовичъ)! Счастливъ, кто поэтъ, писалъ Жуковскій въ 1814 г.:

Его блаженство прямо съ неба:
Онъ имъ не дѣлится съ толпой;
Его судьи лишь чада Феба;
Ему ли съ пламенной душой
Плоды святого вдохновенья
Къ ногамъ холоднымъ повергать
И на колѣняхъ ожидать
Отъ недостойныхъ одобренья.

Впослѣдствіи обстоятельства жизни, нужда заставили Пушкина разрѣшить этотъ вопросъ такъ:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Одинъ среди песковъ Мемнонъ, продолжалъ Жуковскій:

Сидя съ возвышенной главою,
Молчитъ—лишь гордою стопою

Касается ко праху онъ,
Но лишь денницы появленье
Вдали востокъ воспламенитъ—
Въ восторгѣ мраморъ пѣснь гласитъ.
Таковъ поэтъ, друзья! *презрѣнье*
Въ тылу таящимся душамъ!
Оставимъ ихъ попрать стопамъ,
А взоры устремимъ къ востоку.
Смотрите: неподвластный року,
И находя въ себѣ самомъ
Покой, и честь, и наслажденья,
Мужъ праведный прямымъ путемъ
Идетъ, и терпитъ ли гоненья
Избавленъ ли отъ нихъ судьбой—
Онъ сходенъ тамъ и тутъ съ собой,
Онъ благъ безъ примѣси не проситъ—
Нѣтъ, въ лучшій міръ онъ переноситъ
Надежды лучшія свои
Такъ и поэтъ, друзья мои!
Поэзія есть добродѣтель.

(Стихотв. Жуков. т. I стр. 336).

Сравните съ этимъ въ стихотвореніи Пушкина «Чернь» съ эпиграфомъ: procul este, profani!

Подите прочь! какое дѣло
Поэту мирному до васъ.
Въ развратѣ каменѣйте смѣло;
Не оживитъ васъ лиры гласъ...
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

А намъ, друзья, изъ отдаленья, гов. Жуковскій,

Разсудокъ опытный велитъ
Смотрѣть на сцену, гдѣ гремитъ
Хвала—гулъ шумный и невнятный;
Подалѣ отъ толпы судей!
Пока мы не смѣшались съ ней
Свобода другъ нашъ благодатный.

Сравните у Пушкина:

Ты самъ-свой высшій судъ и т. д.
Мы независимо въ тиши,

Уютнаго уединенья, говоритъ Жуковскій.

Богаты ясностью души,
Поемъ для музъ, для наслажденья,
Для сердца вѣрнаго друзей.

Припомните у Пушкина:

Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ
Собою счастливый поэтъ.

Твори, будь твердъ, ихъ (завистниковъ несправедливыхъ) зданья ломки,

А за тебя дадутъ отвѣтъ
Необольстимые потоки . . .
. . . . . .

Страшись (поэтъ) къ той славѣ прикоснуться, говоритъ Жуковскій въ томъ же стихотвореніи, которою прельщаетъ свѣтъ—обвитый розами скелетъ.

Любуйся издали, поэтъ,
Чтобы вблизи не ужаснуться,
Внимай избраннымъ судіямъ:
Ихъ приговоръ—зерцало намъ,
Ихъ одобренье—намъ награда,
А порицаніе—ограда
Отъ убивающія даръ
Надменной мысли—совершенства...
Что передъ тобой ничтожный судъ
Толпы, въ рѣшеніяхъ пристрастной
И вѣтреной и разногласной.
И тотъ же Карамзинъ, друзья,
Разимый злобой, не сраженный,
И сладкимъ лишь трудомъ блаженный
Для насъ примѣръ и судія. (Жук. I, 338).

Пушкинъ, коснувшись въ 1830 г. вопросовъ, затронутыхъ Жуковскимъ въ посланіи къ Вяземскому и В. Л. Пушкину, рѣшилъ ихъ сходно съ Жуковскимъ въ томъ, что касается природы поэта, сущности поэзіи и отношенія поэта къ черни, толпѣ, исключивъ необходимость и важ-

ность критики со стороны «избранныхъ судій»: это исключеніе сторонняго контроля вызвано было у Пушкина не столько сознаніемъ своего одиночества въ русской литературѣ современной ему и непониманія критиковъ бывшихъ ясными ему задачъ поэзіи и литературы, сколько, мож. быть, вліяніемъ идей французскаго романтизма. (Сравн. Пти-де-Жюльвиль, Истор. нов. франц. литерат., переводъ Веселовскаго стр. 6—7):

Ты царь! живи одинъ! дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ.
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ-ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Въ посланіи къ кн. Вяземскому, написанномъ въ 1814 г., Жуковскій, вспоминая старое классическое преданіе о томъ, какъ камни сами складывались въ стѣны, окружавшія Ѳивы (въ Греціи), подчиняясь вѣщей лирѣ Амфіона, говоритъ, что цѣль поэзіи новаго времени иная:

О Амфіонъ! благоговѣю:
Но, признаюсь, не сожалѣю,
Что даръ твой—говорить стѣнамъ
Въ наслѣдство не достался намъ.
Славнѣе говорить сердцамъ
И пробуждать въ нихъ чувства пламень,
Чѣмъ оживлять бездушный камень
И зданья лирой громоздить. (Жук. I, 355).

Сравните съ этимъ воззваніе пророку въ стихотвореніи Пушкина «Пророкъ» (напис. въ 1826 г.):

Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.

Признавая необходимыхъ условіемъ поэтической дѣятельности свободу творчества, какъ и Батюшковъ, какъ и Гете, Шиллеръ и романтики—

Пиши когда писать внушаетъ Аполлонъ.
Къ святилищу, гдѣ скрытъ его незримый тронъ,
Ведутъ безчисленны дороги,—

Жуковскій, однако, считалъ обязательнымъ для поэта —имѣть въ виду благо людей: «поэзія есть добродѣтель»:

Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ
Исполнимъ добраго завѣтъ
И оправдаемъ провидѣнье!

Этотъ завѣтъ «сѣвернаго Орфея», «поэзіи чудеснаго генія», какъ называлъ Пушкинъ В. А. Жуковскаго, нашелъ, какъ видно, сочувственный откликъ въ широко отверзтой для добра душѣ Пушкина. Вліяніе образованнаго любителя всего изящнаго, дяди поэта, Василія Львовича Пушкина, вліяніе цѣлаго избраннаго круга гуманныхъ, просвѣщенныхъ, горячо преданныхъ возвышеннымъ интересамъ друзей семьи отца поэта Сергѣя Львовича, «геніевъ» «Арзамасскаго общества благородныхъ людей», лелѣявшихъ, можно сказать, колыбель величайшаго русскаго поэта, открыли душу его для всѣхъ благотворныхъ вліяній. Завѣтъ добра, высказанный Карамзинымъ и Жуковскимъ, горячо, сочувственно поддержанный Василіемъ Львовичемъ, нашелъ яркое отраженіе въ поэзіи Алекс. Сергѣевича, выразившись въ томъ постоянномъ направленіи его творческихъ думъ, которое онъ самъ охарактеризовалъ въ «Памятникѣ»: И долго буду тѣмъ любезенъ я народу, *что чувства добрыя я лирой пробуждалъ*, что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу *и милость къ падшимъ призывалъ* (или: И милосердіе воспѣлъ). По идеей добра не исчерпывается сущность поэзіи Пушкина и значеніе ея для слѣдующаго движенія русской литературы. Столь же существенными являются принципы правды, простоты, красоты и народности его поэтическихъ произведеній. И. Карамзинъ, и Жуковскій, и Батюшковъ стремились въ своей литературной дѣятельности къ освѣженію, къ оздоровленію области литературной производительности какъ сюжетами народно-поэтическими, такъ и языкомъ, близкимъ къ разговорному и народному. Но только Пушкину удалось ихъ стремленіямъ, ихъ попыткамъ, дать блестящее осуществленіе. Отсюда это крайне любопытное въ историко-литературномъ отношеніи явленіе— тотъ судорожный интересъ, съ которымъ названные писатели относились къ самому процессу созданія Пушкинымъ «Руслана и Людмилы» и тотъ радостный крикъ восторга ихъ, когда окончились, наконецъ, творческія усилія поэта, предшествовавшія рожденію на русскій свѣтъ дѣйствительной, будто бы, по мнѣнію этихъ нашихъ романтиковъ, русской романической поэмы.

Сочувствуя всѣмъ живымъ стремленіемъ, часто неяснымъ инстинктамъ своей эпохи, Пушкинъ далъ имъ соотвѣтствующее выраженіе, сообщивъ силу движенія, жизнь. Овладѣвъ, благодаря геніальнымъ силамъ

своего духа, вершинами современнаго ему русскаго Парнаса, Пушкинъ во второй половинѣ своей дѣятельности открылъ и обнаружилъ такія области для поэтическаго творчества, которыхъ никто не касался изъ его современниковъ и выразить которыя въ поэтическихъ образахъ еще далеко не вполнѣ удалось его многочисленнымъ послѣдователямъ, т. е. всей русской литературѣ, слѣдовавшей за несчастнымъ 1837 годомъ. Поэтому Пушкинъ не только поэтъ прошедшаго и настоящаго, но и будущаго.

(65) Никольскій, Идеалы Пушкина, стр. 45.

(66) Сочин. Батюшк. изд. 4 общедост. стр. 606.

Объ отправкѣ за-границу А. С-ча серьезно, повидимому, помышлялъ и А. И. Тургеневъ, какъ это можно видѣть изъ письма этого послѣдняго къ кн. Вяземскому отъ 12 марта 1819 г.: «Пушкинъ... собирается въ Тульчинъ, а оттуда въ Грузію и бредитъ уже войною. Я имѣю надежду отправить его въ чужіе края, но онъ уже и слышать не хочетъ о мирной службѣ. Остаф. арх. I, 202.

(67). Благотворное моральное вліяніе, Тургенева имѣло, кажется, свое мѣсто и въ этомъ очищеніи страстей Пушкина: въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 4 сент. 1818 г. Тургеневъ между проч. писалъ: «третьяго дня ѣздилъ я къ животворящему источнику, т. е. къ Карамзинымъ въ Царское Село. Тамъ долго и сильно доносилъ я на Пушкина. Долго спорили меня, *и онъ возвращался хотя тронутый*, но врядъ ли исправленный Остаф. арх. I, 119.

Вліяніе нравственно-чистой личности Жуковскаго на А. С. Пушкина доказывается собств. признаніемъ поэта, выраженнымъ въ слѣд. обращеніи его къ Жуковскому.

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній
Любви, мечтаній и чертей
Могилъ и рая вѣрный житель,
И музы вѣтреной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель... Русл. и Людм. п. 4-ая

Пушкинъ и г-жа Ризничъ.

Ко времени пребыванія А. С. Пушкина въ Одессѣ въ 1823—24 гг. относится любопытный эпизодъ его жизни—знакомство и сближеніе съ негоціантомъ Ризничемъ и искреннее увлеченіе его красавицей женой. Опредѣленіе формъ отраженія въ поэзіи А. С. Пушкина этого увлеченія его г-жей Ризничъ принадлежитъ къ довольно неяснымъ и запутаннымъ вопросамъ біографіи нашего великаго поэта, рѣшить которые, можетъ быть, поможетъ только внимательное изученіе его подлинныхъ рукописей.

Всякій новый фактъ, всякая новая черта, могущіе прибавить что-либо къ біографіи поэта вообще и въ данному эпизоду его жизни въ частности, должны быть пріобщены къ массѣ другихъ извѣстныхъ и приняты въ соображеніе при изученіи его творчества. Въ этихъ видахъ мы находимъ нужнымъ перепечатать здѣсь сообщенія объ отношеніяхъ Пушкина къ г-ну и г-жѣ Ризничъ, исходящія отъ той стороны, которая въ данномъ случаѣ мож. быть въ извѣстномъ отношеніи опредѣлена изреченіемъ: audiatur et altera pars.

Лѣтомъ 1889 г. я имѣлъ возможность кое-что слышать объ отношеніяхъ Пушкина къ г-жѣ Ризничъ отъ лица, бывшаго въ близкихъ отношеніяхъ къ самому г. Ризничу—отъ профессора Великой Школы въ Бѣлградѣ, въ Сербіи, П. С. Сречковича. Въ 50-хъ годахъ г. Сречковичъ жилъ въ Кіевѣ и учился сначала въ Кіевской Духовной Академіи, затѣмъ въ университетѣ. Въ то-же время въ Кіевѣ часто проживалъ и Ризничъ, оставившій къ тому времени (вѣроятно, послѣ вторичной женитьбы своей на граф. Полинѣ Ржевусской, имѣвшей родовую собственность въ Кіевской губ. Истор. Вѣстн. 1899 г. октябрь стр. 283) Одессу и поселившійся въ своемъ имѣніи, селѣ Гопчицѣ. Студенты сербы были его желанными гостями. Сречковича онъ часто бралъ къ себѣ, былъ къ нему очень расположенъ и говаривалъ съ нимъ объ отношеніяхъ Пушкина къ своей женѣ, главнымъ образомъ, потому, что въ то время ходили въ обществѣ толки про это. Многое изъ сообщавшагося ему Ризничемъ, къ сожалѣнію, утратила память проф. Сречковича, но и то немногое, что въ ней удержалось, имѣетъ несомнѣнный интересъ для біографіи нашего поэта. Въ дополненіе къ сообщенію Сречковича я припомню кое-что изъ статьи Зеленецкаго. (Рус. Вѣст. 1856 г. іюль).

Г-нъ Ризничъ былъ сербъ, гражданинъ Дубровника. Отецъ его жилъ въ Тріестѣ, занимаясь торговыми операціями. Онъ обладалъ такимъ большимъ состояніемъ, что при взятіи Тріеста французами, могъ одинъ внести маршалу Бонапарта Мормону восемь милліоновъ флориновъ контрибуціи за гражданъ Тріеста. Ризничъ—сынъ получилъ отличное воспитаніе. Онъ учился въ Падуанскомъ и Берлинскомъ университетахъ, зналъ языки: латинскій, итальянскій, нѣмецкій, французскій и русскій и имѣлъ большую библіотеку, составленную преимущественно изъ сочиненій французскихъ писателей вѣка просвѣщенія. По окончаніи своего образованія Ризничъ—сынъ жилъ нѣкоторое время въ Вѣнѣ, имѣлъ тамъ банкирскую контору, а потомъ переѣхалъ въ Одессу и здѣсь занялся преимущественно хлѣбными операціями. По словамъ Зеленецкаго, «Ризничъ въ 1822 г. уѣхалъ изъ Одессы въ Вѣну съ намѣреніемъ жениться и весною 1823 г. возвратился оттуда съ молодой женой. Пушкинъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Одессу въ ту же пору и былъ, конечно, однимъ изъ первыхъ знакомыхъ новопріѣзжей дамы. Молодые люди, посѣщавшіе домъ Ризничъ, и въ числѣ ихъ Пушкинъ, были убѣждены, что г-жа Ризничъ была родомъ изъ Генуи. Оказывается, однако, что она была дочь одного вѣнскаго банкира, по фамиліи Риппъ, полу-нѣмка и полу-итальянка, съ примѣсью, можетъ быть, и еврейскаго въ крови» (Рус. Вѣст. 1856 г. т. III 203).

Сречковичъ, со словъ г. Ризнича, утверждаетъ, что г-жа Ризничъ была итальянка, родомъ изъ Флоренціи, женщина замѣчательной красоты.

По словамъ Зеленецкаго, г-жа Ризничъ была молода, высока ростомъ, стройна и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были ея пламенныя очи, шея удивительной формы и бѣлизны и черная коса болѣе двухъ аршинъ длиною. Только ступни были у нея слишкомъ велики. Потому, чтобы скрыть недостатокъ ногъ, она всегда носила длинное платье, которое тянулось по землѣ. Она ходила въ мужской шляпѣ и одѣвалась въ нарядъ полу-амазонки. Все это придавало ей оригинальность и увлекало молодыя и немолодыя головы и сердца» (тамъ-же стр. 203). Въ Одессѣ, равно какъ и прежде въ Вѣнѣ, г-жа Ризничъ вела жизнь на широкую ногу, танцовала и играла въ карты. Изъ массы ея поклонниковъ выдѣлялись Пушкинъ и польскій князь Яблоновскій. Зеленецкій говоритъ, что соперникъ Пушкина былъ нѣкто Исидоръ Сабанскій, не молодой, но богатый помѣщикъ изъ западныхъ губерній. Сречковичъ положительно называетъ другое лицо—князя Яблоновскаго. Въ воспоминаніяхъ Бальзака какой-то Сабанскій назвалъ шуриномъ барона Ризнича по второй женѣ. (Историч. Вѣстн. 1899 г. окт. стр. 283).

Вопреки сообщенію г. Зеленецкаго, выставляющаго въ чрезвычайно невыгодномъ свѣтѣ въ нравственномъ отношеніи жизнь г-жи Ризничъ въ Одессѣ, проф. Сречковичъ, со словъ г-на Ризнича, свидѣтельствуетъ противное. Самъ Пушкинъ будто-бы ошибался, когда писалъ.

А только-ль тамъ очарованій?
. . . . . .
А ложа, гдѣ, красой блистая,
Негоціантка молодая
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ.—
А мужъ въ углу за нею дремлетъ.
Въ просонкахъ «фора» закричитъ,
Зѣвнетъ и снова захрапитъ.

Г-нъ Ризничъ, если, дѣйствительно, онъ имѣется въ виду въ этихъ строкахъ, наоборотъ, внимательно слѣдилъ за поведеніемъ своей жены, заботливо оберегая ее отъ паденія. Къ ней былъ приставленъ вѣрный его слуга Филиппъ, который зналъ каждый шагъ жены своего господина и обо всемъ доносилъ ему. Пушкинъ страстно привязался къ г-жѣ Ризничъ. По образному выраженію г-на Ризнича, Пушкинъ увивался около нея какъ котенокъ (по сербски: «као мače»), но взаимностью отъ нея не пользовался: г-жа Ризничъ была къ нему равнодушна. Ненормальный образъ жизни въ Одессѣ вредно отразился на здоровьѣ г-жи Ризничъ. У нея обнаружились признаки чахотки, и она должна была уѣхать на родину въ Италію. За ней послѣдовалъ во Флоренцію и князь Яблоновскій и тамъ успѣлъ добиться ея довѣрія, о чемъ не замедлилъ довести до свѣдѣнія своего господина вѣрный его слуга Филиппъ, отправленный Ризничемъ вмѣстѣ съ женой на ея родину. Г-жа Ризничъ недолго прожила на родинѣ: она скоро умерла; умеръ скоро и ребенокъ отъ брака съ Ризничемъ. Г-нъ Ризничъ не отказывалъ ей въ средствахъ во время ея жизни въ Италіи, и показаніе г. Зеленецкаго, будто она умерла въ нищетѣ, призрѣнная матерью мужа, невѣрно. О довѣріи, оказанномъ г-жею Ризничъ князю Яблоновскому, Пушкинъ не могъ знать, и потому образъ г-жи Ризничъ въ его памяти остался свободнымъ отъ пятенъ и долго занималъ его воображеніе.

Сообщеніе проф. Сречковича даетъ основаніе относить къ г-жѣ Ризничъ только три стихотворенія изъ тѣхъ, которыя въ позднѣйшихъ изда-

ніяхъ произведеній Пушкина приписываются памяти этой красавицы, именно: «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной» или какъ первоначально было—«Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей» (29-го іюля 1829 г.), «Заклинаніе» и «Для береговъ отчизны дальной» (1930 г.), —стихотворенія, которыя, будучи взяты вмѣстѣ, представляютъ, по прекрасному выраженія Анненкова, одну трехчленную лирическую пѣснь» (Матеріалы, стр. 188).

Идеально чистый образъ женщины въ этихъ перлахъ лирической поэзіи Пушкина, соотвѣтствуетъ какъ «поэтическому характеру любви поэта къ этой прелестной одесской итальянкѣ». (Воспомин. Л. Павлище ва 143), такъ и сообщеніямъ проф. П. С. Сречковича, рисующимъ болѣе симпатичными чертами образъ «самолюбивой и томной негоціантки молодой», до извѣстной степени опошленный [1]). въ сообщеніяхъ лицъ доставившихъ матеріалъ для статьи проф. Зеленецкаго.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

---

[1]) Сравните протестъ Пушкина противъ опошленія личности Керпъ, заключающійся въ извѣстномъ стихотвор. «Когда твои младыя лѣта позоритъ шумная толпа» (1829 г.).